

1907 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

№ 2.

СЦЕНА

И

ЖИЗНЬ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Содержаніе:

Стихотвореніе Д. М. Ратгаузъ.
 «Монологи» В. В. Брусянинъ.
 Стихотворенія Леонидъ Татищевъ и
 Вѣра Зайкина.
 «Въ чадѣ», рассказъ Н. Димовъ.
 «Шакалы» (стихотвор.). И. Давидовъ
 Мипусы Павелъ Вейнбергъ.
 «Нашъ альбомъ»
 «Театральное эхо».
 «Изъ книги бытія театральнаго» Лѣтописецъ.
 Театральная хроника.

Художественная хроника Н. Н. Брешко-Брешковскій.
 «Наци интервью» Евгений К.
 Письмо въ редакцію Б. Глаголина въ редакцію журнала «Сцена
 и Жизнь».
 По Россіи.
 «Малая сцена».
 «Кафешантанные силуэты» Свенгали.
 Письма въ редакцію.
 Портреты: Д. М. Ратгауза, Павловой 2-ой, F. Marconi.
 Заставки работы художниковъ А. Скиргелло, В. И. Келипа, С. Шев-
 ченко и др.

С Ц Е Н А и Ж И З Н Ъ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: С.-Петербургъ, Невскій пр. 66. (противъ Аничковскаго дворца).

Приемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 11 ч. до 2 ч. дня. Телефонъ редактора 78—25.
 Контора открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 10 до 5 час. дня.
 Рукописи безъ обозначенія гонорара оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.

Составъ редакціи: Н. В. Вагровъ, В. Г. Блохинъ, Н. Н. Брешко-Брешковскій, В. В. Брусянинъ, А. З. Бураковскій,
 Н. Г. Васильевъ, П. П. Вейнбергъ, И. М. Грабовскій, (художникъ), А. А. Грунинъ, Н. П. Димовъ (псевдонимъ), А. П. Де-
 нисевъ (псевдонимъ), С. М. Интролигатинъ, Е. А. Койранскій, А. Де-Ла-Гардъ (иностр. отд.), Нелли (псевдонимъ), акаде-
 микъ А. И. Новосколецъ, Владимиръ Омутъ (псевдонимъ), И. О. Порфиревъ (художникъ), М. И. Разсудовъ (артистъ), Лавръ
 Пуговишниковъ (Шатовъ), Д. И. Ратгаузъ, А. Скиргелло (художникъ), Свенгали (псевдонимъ), А. К. Эберлингъ (художникъ),
 Н. М. Энефъ (корреспонденціи изъ Лондона) и др.

Подписная цѣна: на 1 годъ—8 руб., на 1/2 года 4 руб. и на 3 мѣсяца—2 руб. Цѣна №№ въ розничной продажѣ—20 коп.
 Въ провинцію отдѣльные №№ высылаются за три семикопѣчныя марки. Для артистовъ, лицъ причастныхъ къ сценѣ и годовыхъ подписчиковъ
 справки, помѣщеніе адресовъ и объявленія (по предложенію труда) не болѣе 5 стр. въ каждомъ №-рѣ—**бесплатно.**

Приемъ подписки и объявленій въ отдѣленіяхъ конторы:

Въ Петербургѣ.

1. Московскій книжный магазинъ «Трудъ», Невскій, 60.
2. Книжный и художественный маг. «Народное Благо», Невскій, 50.
3. Театральная площадь, д. № 4. Тинографія Ц. Крайза.

Въ Москвѣ.

Центральная экспедиція главной конторы газеты «Русь». Тверская,
 Казицкій пер., д. Бахрушина.

Въ Одессѣ.

Бернардъ Бродскій. Отель «Викторія».

Въ Кіевѣ.

Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Югансона.

- 1) Уг. Крещатика и Прорѣзной № 1.
- 2) Крещатикъ, д. № 41.
- 3) Главн. Конт. и Экспед.—Татарск. с. д. №№ 35—37—39.

Въ Харьковѣ.

Театральный агентъ В. Филиппъ.
 Южно-русск. книгоизд. Ф. Д. Югансона. Московская ул. д. 23.

Въ Екатеринославѣ.

Театральный агентъ И. А. Сокольскій.

Въ Вильнѣ.

Г. П. Лупашко. Артистическая контора. Ботаническая ул., д. Чер-
 новскаго.

Для заграницы:

Export Bureau. J. Feinstein. Berlin. N. W. 52. Thomasius-Strasse.

Розничная продажа во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, въ кіоскахъ Пташниковъ и у артельныхъ газетчиковъ.

11/80/1

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедельный, театральный и литературно-художественный иллюстрированный журнал.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907 Г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стихотворение Д. М. Ратгауза; „Монологи“—В. В. Брусянина; Стихотворения—Леонида Татищева и Вэры Заининой; „Въ чаду“—рассказ Н. Димова; „Шакалы“—стихотв. И. Давидова; „Минусы“—Павла Вейнберга; „Нашъ альбомъ“; Театральное Эхо; „Изъ книги бытiя театральнаго“—Льтописца; Театральная хроника; Художественная хроника—Н. Брешио-Брешковскаго; „Наши интервью“—Евгеній К.; Письмо артиста Б. Глаголина въ редакцію журнала „Сцена и Жизнь“; По Россiи; „Малая Сцена“; Кафе-пантаннные силуэты—Свенгали; Письма въ редакцію. Портреты: Д. М. Ратгауза; А. Павловой 2-ой; F. Marconi. Заставки: работы художниковъ А. Скиргелло; В. И. Келина, С. Шевченко и др.

СТИХОТВОРЕНИЕ Д. М. РАТГАУЗА.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Зачѣмъ сіянье милыхъ глазъ
Вы затуманили слезами?
А мнѣ такъ сладко видѣть васъ
И любоваться молча вами.
О, какъ хочу я вамъ сказать,
Что только вами сердце бьется,
Что ввѣрьтесь мнѣ—и намъ опять
Земное счастье улыбнется.

Монологи.

Ночью по улицамъ бродятъ одинокіе опьянѣвшіе люди...

Тепло и уютъ кабаковъ обласкали ихъ и они не спѣшили домой... Опьяненные женщины хриплыми голосами говорили имъ притворно ласковые слова, и они не спѣшили домой... Опьяненію, какъ кисея тумана, опускалось между ними, и ихъ жизнью, и они были рады, что этой проклятой жизни нѣтъ передъ ихъ глазами.

По ночамъ по улицамъ бродятъ одинокіе опьянѣвшіе люди... и бормочатъ безсвязныя слова...

Онъ вернулся въ четыре ночи. Раздѣвался долго и о чемъ-то говорилъ самъ съ собою. Въ пьяномъ видѣ онъ ненавидѣлъ своего лакея Корнилу и, возвращаясь домой, говорилъ:

— Уходи ты отъ меня, рябая рожа! Я самъ раздѣнусь.

И въ мысляхъ продолжалъ: я хочу видѣть только красное!

Корниль, старикъ съ рябымъ лицомъ думалъ:
— Точно я самъ сдѣлалъ себя рябымъ? Природа... Богъ...

И уходилъ въ кухню.

Баринъ раздѣвался самъ и бормоталъ что-то про себя заплетающимся языкомъ.

Корниль слышалъ осяпый голосъ барина и, какъ будто не сомнѣваясь въ томъ, что стѣны его слышать, говорилъ:

— Не надоѣстъ ему на сценѣ-то бормотать... Домой придетъ—и все бормочетъ, все бормочетъ...

Кухня и маленькая каморка возлѣ нея, гдѣ жилъ Корниль, были міромъ стараго человѣка, и онъ могъ здѣсь безбоязненно выражать свое неудовольствіе на барина.

Впрочемъ, онъ любилъ барина и никогда не сердился на него.

Лакеи часто ругаются, но рѣдко сердятся.

Онъ раздѣвался долго. Пуговицы штиблетъ не повиновались пальцамъ, панталоны не снимались съ ногъ, потому что онъ сидѣлъ. Жилетъ онъ съ сердцемъ бросилъ на полъ, потомъ вспом-

нилъ, что въ жилетѣ часы, и, опасаясь за нихъ, крикнулъ:

— Кор-ниль! Часы! Корниль!..

Корниль, не спѣша, вошелъ въ комнату.

— Подними жплеть... тамъ часы.

Корниль исполнилъ приказаніе и вытащилъ изъ кармана жилета большіе золотые часы.

— Не разбились? Идутъ? Тикаютъ?..

— Тикаютъ, баринъ.

— Ну, дай сюда и... и отправляйся, рябая харя!..

Корниль ушелъ, а онъ долго смотрѣлъ ему въ слѣдъ и, съ иронической улыбкой на губахъ, шепталъ:

— Я былъ въ обществѣ прекрасныхъ женщинъ, и вдругъ... Эта рябая харя! Надо быть болваномъ, чтобы не понять этого контраста. Прелестная брюнетка съ жгучими глазами, и вдругъ—рябая харя! Обворожительная блондинка, у которыхъ страсть никогда не засыхаетъ на губахъ, и вдругъ—рябая харя! Это чортъ знаетъ, что такое!..

Онъ закурилъ папиросу, потушилъ свѣчу и, съ трудомъ забравшись подъ одѣяло, шепталъ страстные монологи, представляя себѣ, что его слушаютъ брюнетки съ жгучими глазами и блондинки, у которыхъ страсть никогда не засыхаетъ на губахъ.

Онъ уснулъ, и ему снилось, что онъ все еще произноситъ длинные монологи брюнеткамъ и блондинкамъ.

А Корпиль долго не мог заснуть и все думать о своем лицѣ. Всю жизнь это лицо, рябое и некрасивое, напоминало ему о сѣбѣ. Въ дѣтствѣ на Корпиль отецъ срывалъ повседневную злобу, потому что все некрасивое скорѣе возбуждаетъ злобу. Въ юности его не любили дѣвушки... Въ старости пьяный актеръ обзывалъ его рябой харой...

Съ грустнымъ раздумьемъ Корпиль заснулъ.

Утромъ актеру принесли два письма. Корпиль подалъ ихъ барину въ то время, когда онъ пилъ кофе съ коньякомъ.

— Ты меня прости, Корпиль! Вчера я зря тебя облаялъ, — сказалъ актеръ и взялъ письма.

Корпиль поднялъ на окнахъ шторы и молча вышелъ.

Одно письмо съ казаннымъ бланкомъ на конвертѣ было изъ театральной конторы. Актера приглашали на репетицію.

Онъ бросилъ подъ столъ письмо и громко выругался:

— Ха-ха! Черти! Монологи!.. Опять монологи!..

Всю свою жизнь, всю свою дѣятельность онъ уже давно называлъ этимъ словомъ, и оно дѣйствительно, поглощало въ себя все мелочи жизни актера и все его большое душевное дѣло.

Онъ былъ трагикъ и умѣлъ зажигать сердца слушателей своими монологами.

Но ему уже давно надоѣла эти монологи, зажигая сердца людей, онъ незамѣтно сжегъ и свою жизнь, со всеми нервами и со всеми мышцами.

— Монологи! Будьте вы трижды прокляты! Точно я для однихъ монологовъ и на свѣтѣ родился!

Наканунъ онъ участвовалъ въ «Отелло». И усталъ ревновать на сценѣ, не любя ни сцены, ни той, кого авторъ навязывалъ ему, какъ предметъ страсти.

— Не дадутъ отдохнуть, дьяволы! Монологи! Ха-ха!.. Монологи! Да что вамъ, черти,

Демьянъ Рушинскій только для однихъ монологовъ, что-ли, и созданъ? Монологи... Монологи!!! Тьфу!..

Онъ лѣниво разорвалъ небольшой розовый конвертикъ, пахнущій духами, развернул листокъ бумаги, тоже розовый и также съ тайными символами прикосновенія женской ручки, и прочелъ:

«Обожаемый Демьянъ Николаевичъ! Не будете-ли вы въ три въ Пассаждѣ? Я страстно жду съ вами знакомства. Я буду въ коричневомъ жакетѣ и въ большой темной шляпѣ съ единственнымъ краснымъ цвѣткомъ около уха. Я жду. К. Л.»

— Ха-ха! К. Л.! Психопатка какая-то, — прошепталъ онъ. — Много я встрѣчалъ этихъ Ка-Елей-то... Да ну ихъ къ чорту! Что-же это на самомъ дѣлѣ, я только для васъ и созданъ, что-ли... По вечерамъ—монологи, днемъ Ка-Ели. Да будьте вы прокляты!

Онъ закурилъ сигару и уставился тусклыми усталыми глазами въ темный уголокъ комнаты.

И тихая дума, какъ отдаленная неясная пѣсня моря во время штиля, успокаивала его и вливала въ его душу то, чего не давала ему суетная актерская жизнь. Дни—пустые содержаниемъ словъ, но богатые завтраками, обѣдами и льстивыми бесѣдами друзей... Вечера—монологи... Ночь—ресторанъ, съ пьяными женщинами и пьяными друзьями... Гдѣ-же онъ самъ за это время? Гдѣ его жизнь?

И хочется пить, много пить, чтобы забыться.

Невѣдомые ему великіе люди нанизывали слова за словами, и изъ тонкихъ и изящныхъ нитей музыки и мысли создавали скверныя человѣчскія чувства и мысли. Для чего они оскверняли свои лиры? Для чего они растрачивали свои пѣсни?

Великіе люди отдавали маленькимъ людишкамъ блески своихъ мыслей и брилліанты звуковъ своей души. Все великіе люди, слова ко-

торыхъ Демьянъ Рушинскій повторялъ со сцены, давно уже умерли, и кости ихъ истлѣли...

Остались только слова... монологи... И тяжесть ихъ взвалили на усталые плечи трагика Демьяна Рушинскаго.

Почему эти великіе люди не унесли съ собою въ могилы этихъ словъ и эти звуки? Зачѣмъ оставили ихъ надъ холодной и грязной землей? И носятся они по сценамъ, бьются въ ослиные уши зрителей, толкаются въ ихъ не чистыя души, какъ ночныя бабочки, у огня лампы, обжигаютъ крылышки и падаютъ мертвыми...

И развѣ Демьянъ Рушинскій можетъ оживить ихъ, какъ-бы страстно онъ ни билъ себя въ грудь и какъ-бы зычно ни старался кричать со сцены и хлестать звуками по ослинымъ ушамъ зрителей.

Онъ ихъ не оживитъ, потому что они умерли вмѣстѣ съ творцами. А теперь онъ поредаетъ со сцены только полинялыя оболочки этихъ словъ и искусственную поддѣлку подъ стоны души большихъ людей.

Большимъ словамъ тѣсно въ рамкахъ театра, большимъ мыслямъ тѣсно на землѣ... А ослиныя уши зрителей—глухи!

— Ха-ха! Монологи! Да ну васъ къ чорту!..

Демьянъ Рушинскій проспалъ репетицію... А ночью снова былъ пьянъ...

Вас. Бруснянинъ.

* * *
На сценѣ шаткой балагана,
Со всѣхъ сторонъ освѣщена—
Плясала бѣдная гитана...
Толпа была увлечена
Ея красой и пляской дикой...
И не могла отвести очей
Отъ этой бабочки ночей
Въ своемъ твореніи великой.
А трубы мѣдныя звучали—
Надъ неподвижною толпой,
Съ небесъ за пляской наблюдали
Луны и звѣздъ блестящихъ рой...
И счастлива была гитана...
Вѣдь ждалъ ее восторгъ толпы,
Рукоплесканія, цвѣты...
Хоть и на сценѣ балагана...

Леонидъ Татищевъ.

Ницца.
20 ноября 1907 г.

* * *
Я не клянусь тебѣ, твоихъ мнѣ клятвъ
не надо,
Любовь—свободной быть должна,
Какъ сердца юнаго отрада,
Какъ моря мощная волна.
Къ чему намъ клятвы, увѣренья,
Что значить звукъ шаблонныхъ фразъ?!
Повѣрь, оковъ тяжелыхъ звенья
И цѣпи рабства не для насъ.
Нельзя покорной быть рабою
Когда поэтомъ ты рожденъ,
И вдохновенною мечтою
По волѣ неба озаренъ.
Любить мы будемъ на просторѣ
Безъ клятвъ, безъ рабства, безъ оковъ:
Такъ легкой челнъ по волнамъ моря
Бѣжитъ отъ тѣсныхъ береговъ.

Вѣра Зайкина.

Въ чадѣ.

(Разсказъ).

Послѣдній актъ закончился. Запавъсь опустились.

Весь залъ огласился продолжительными рукопласканіями и криками:

— Bravo!... Bravo!

— Прагина!... Прагина!.. Прагина!

— Bravo!.. Брависсимо!

Вызываютъ безъ конца. Студенты подносятъ артисткѣ роскошный букетъ.

Наконецъ, расхрипавшая молодежь успокоилась.

— Господа! Прошу очистить залъ для танцевъ.

— Пожалуйста!

— Не задерживайте!

— Выходите! Выходите!

Публика двинулась къ дверямъ и заполнила фойе, корридоры, гостинныя.

Евграфъ Петровичъ Коницынъ съ Тамарой также направился за толпой.

— Студенты умѣютъ быть благодарными! — слышны разговоры впереди ихъ.

— Она—такая добрая! — жестикулируетъ молоденькій блондинъ.—И труппу составила для нашего спектакля изъ лучшихъ артистическихъ силъ... И сама взялась за главную роль!

— Сколько силы, чувства!

— Святой огонь поэзіи...

— Да она и сама—поэзія...

— А вотъ и она!

Коницынъ вздрогнулъ.

Это не ускользнуло отъ зоркаго взгляда Тамары.

Дѣвушка смутилась. Какое-то горькое предчувствіе овладѣло ею. Но она подавила все въ себѣ и самымъ невиннымъ тономъ сказала Коницыну:

— Это п есть Прагина?

— Да,—нехотя отвѣтилъ онъ.

— Она—писанная красавица!—не отставала Тамара.

Коницынъ успѣлъ уже взять себя въ руки и, восторжено глядя на свою спутницу, произнесъ:

— Я знаю болѣе красивыхъ дѣвушекъ!

— Будто?—кокетливо спросила Тамара.

Но уже готовилось новое испытаніе. Прагина замѣтила Коницына и быстро направилась къ нему.

— Евграфъ Петровичъ!.. Вы также здѣсь.

Коницынъ совсѣмъ смутился и едва нашелся отвѣтить:

— Я вѣдь тоже бывшій студентъ.

— Какъ бывшій!?!.. Почему?.. По независимымъ обстоятельствамъ, которыми такъ чревато наше время?

— Нѣтъ, я уже окончилъ...

— Ахъ, поздравляю тогда... Очень—очень рада.

И Прагина дружески пожала ему руку. Вдругъ она спохватилась:

— Простите... Я не замѣтила... Вы не одни...

Коницынъ еще больше растерялся.

— Позвольте васъ познакомиться! — обратился онъ къ Прагнинѣ.—Тамара Аркадьевна Синева... Анна Ивановна Прагина! — указалъ онъ Тамарѣ на Прагину.

— Такъ то удобнѣе будетъ!—продолжала артистка.— Мы, — обратилась она въ Тамарѣ, — старые знакомые... Земляки и даже сосѣди... Раньше мы видались часто... А теперь уже около года... Онъ и глазъ не кажется...

«А мы приблизительно годъ знакомы!» — промелькнуло въ умѣ Тамары.

— Я думала, что съ вами что-нибудь стряслось, обратилась Прагина къ Коницыну.— Время-то какое мы переживаемъ!.. Всякія неожиданности возможны... Ужасъ—что дѣлается!

Тамара не сводила глазъ съ новой знакомой.

«Куда мнѣ?—рѣшила дѣвушка.—Развѣ я могу сравниться съ нею.. Одни глаза чего стоятъ!.. Горять, какъ звѣздочки... Нѣтъ, это не звѣздочки... Я не понимаю этого огня... Но я чувствую какую-то особую силу въ нихъ... Сколько мечтательности!.. Какою-то сладкой дымкой подернуты... А эти классическія линіи лица... А губки... Фигура... Личико... И дивный... по всему видно, свой, а не искусственный румянецъ...

Тамара погрузилась въ созерцаніе Прагнинѣ и ужъ не слышала ея разговора съ Коницынымъ.

— Такъ помните: мазурку съ вами!—закончила Прагина, пожала руку Евграфу Петровичу и поклонилась Тамарѣ.

Коницынъ смущенно поглядѣлъ ей вслѣдъ.

Отъ Тамары не ускользнулъ и этотъ взглядъ.

«Неужели между ними что-нибудь есть? — промелькнула снова павязчивая мысль.— Не влюбленъ ли онъ въ нее? О, Господи... Да это что такое... Впрочемъ, какое я имѣю право на него... Онъ еще и словомъ не обмолвился... Можетъ быть, онъ и не любитъ меня... Бываетъ у насъ... Ну, хорошіе знакомые... И только!»

Задумчивость Тамары не могъ не замѣтить молодой человѣкъ.

«Да я, кажется, ничего дурного не сказалъ и не сдѣлалъ!—подумалъ тотъ.—А все моя безхарактерность!

— Тамара Аркадьевна, — нѣжно сказалъ онъ. О чемъ вы думаете?

— Я?!—вспыхнула Тамара.—Я все думаю: какая красавица Прагина! И еще... какъ вы похожи другъ на друга.

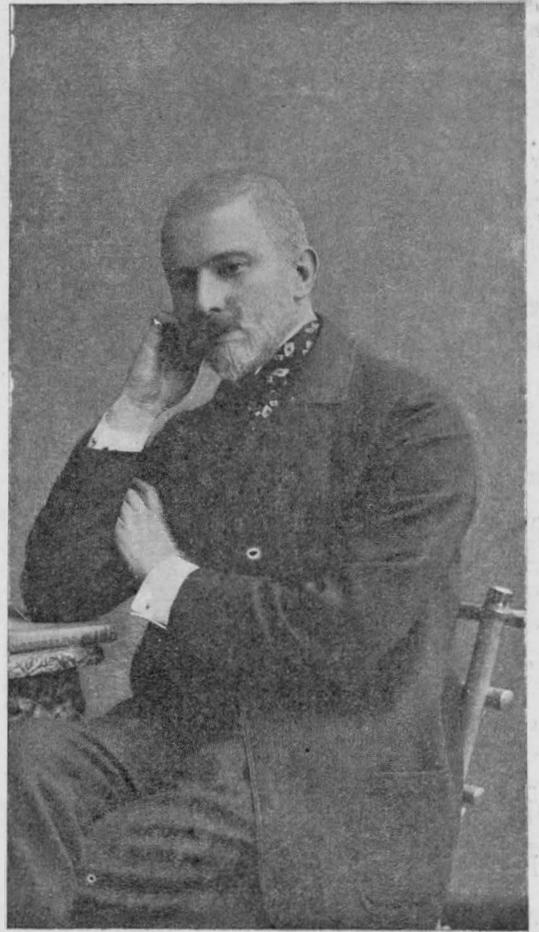
— Мы—не родственники...

— Но удивительное сходство... Прямо созданы другъ для друга...

— Но вы—плохая наблюдательница!

— Оба... такіе сильные...

— Я уже, очень начинаю сомнѣваться въ своей силѣ... А пути у насъ съ нею слишкомъ различны... Ее привлекаетъ восхищеніе толпы... Карьера артистки... Слава театральныхъ подмостковъ... У меня другія задачи... Вы ихъ знаете... Мы много съ вами гово-

Даніилъ Максимовичъ Ратгаузъ.

Извѣстный поэтъ. Любимецъ Льва Толстого. Около 200 романсовъ Ратгауза переложили на музыку Чайковскій, Влейхманъ, баронъ Врангель.

рили... И все это давно насъ обѣихъ сроднило...

— Да, родство взглядовъ... Это одно!—возразила чуть не со слезами на глазахъ дѣвушка.—Но есть что-то еще другое, что тянетъ васъ, сильныхъ людей, идейныхъ... къ женщинѣ... Не всегда родство думъ... Не всегда идеи... Не всегда однѣ и тѣ же жизненные задачи...

— Тамара! Что вы говорите!.. Я первый разъ слышу отъ васъ такія рѣчи...

II.

— Я васъ должна немножко пожурить! — набросилась Прагина на Коницына.—Вы точно какую-то обязанность исполняете!

— Какую же обязанность? — удивился тотъ.

— Вы весь вечеръ пришиты, простите меня, къ юбочкѣ Тамары... Слово нѣтъ, дѣвочка—точно ангелочекъ! Одна прелесть!.. Я наблюдала за нею... Не одна пара глазъ останавливалась съ восторгомъ на новомъ предметѣ вашей любви...

— Почему же вы говорите такъ: о моей любви... Вы больше даже знаете, чѣмъ я...

— Конечно, больше... Сознайтесь же: вы теперь по-уши — въ эту обворожительную дѣвочку...

— Она прелестная барышня во всѣхъ от-

ношеніяхъ... Въѣшность же ея стоитъ... какъ бы вамъ сказать... въ послѣдномъ ряду ея достоинствъ...

— Боже, какъ вычурно!.. Но и какъ искренно... Теперь не можетъ быть никакихъ сомнѣній... Разъ опа—вмѣстилище всякихъ достоинствъ, то теперь все ясно... А было время, когда кто-то буквально пропадалъ у чьихъ-то ногъ... Вы не знаете, Евграфъ Петровичъ, о комъ я говорю...

Коницынъ мрачно посмотрѣлъ на нее:

— Въ мірѣ многое мѣняется...

— Bravo! Bravo! — всплеснула руками Анна Ивановна.—Перемѣны могутъ, слѣдовательно, коснуться и Тамары?

— Я васъ не понимаю...

— Тутъ и понимать нечего... Я ожидала отъ васъ большаго постоянства... А знаете ли что, — вдругъ заговорила серьезнымъ тономъ Анна Ивановна,—я не буду васъ связывать... Танцовать мнѣ не хочется... Стѣснять васъ также не имѣю въ виду... Я освобождаю васъ отъ мазурки... Идите къ Тамарѣ: опа, по всему видно, хорошая дѣвочка, и васъ любитъ.

— Откуда вы все это знаете... Мнѣ это еще не извѣстно...

— Какъ не извѣстно?! Вы оба влюблены другъ въ друга...

— Согласитесь сами, что я совершенно не привыкъ скрывать отъ васъ... Помните нашу прежнюю дружбу... Вы сами тогда сказали, что я—не герой вашего романа... Но мы разстались друзьями... Вмѣстѣ росли... Вы меня, вѣроятно, понимаете... Я бы вамъ прямо сказалъ, если бы дѣйствительно было то, на что вы намекаете... Ни я, ни Тамара другъ другу ничего подобнаго не говорили, да и рѣчи у васъ о любви никогда не бывало...

— И это называется доказательствомъ?!.. Еще бы! Вы всегда говорите больше о ближнихъ своихъ, чѣмъ о себѣ... О всеобщемъ братствѣ людей... О трудовомъ народѣ!

— А вы продолжаете меня высмѣивать!

Прагина серьезно взглянула на него и, отчеканивая каждое слово, произнесла:

— Я тоже не даромъ этотъ годъ прожила... Я перенесла, пережила большое потрясеніе, которое должно было наложить на меня неизгладимую печать... Я теперь другая... Я тоже умѣю однихъ ненавидѣть, а другихъ любить... Вы знаете, что я даже научилась мечтать... И когда мечтала, мысли мои обращались... къ вамъ... Я вспоминала все то, чѣмъ вы такъ увлекались... Я полюбила ваши идеи... Вы не смотрите съ такою насмѣшкой... Я вамъ говорю правду... Но, Боже мой, что со мною... Мнѣ какъ-то холодно вдругъ стало здѣсь среди этого веселья и въ вашемъ обществѣ... Идите же къ Тамарѣ; она вамъ пара... Она, вѣроятно, ищетъ васъ уже... Или заливается слезами, увидавши насъ вмѣстѣ... Ухъ, какая я гадкая—право!

— Во-первыхъ, Тамара уже давно уѣхала съ матерью... Они должны быть еще на балу у своихъ знакомыхъ... Во-вторыхъ, если вамъ такъ неприятно быть со мною, то пойдите, укажите, кого подозвать къ вамъ...

Въ душѣ Прагиной происходила борьба.

«Неужели?! Неужели?!—съ ужасомъ она думала.—Не можетъ быть... Онъ, кажется, совсѣмъ охладѣлъ ко мнѣ... Я должна была бы радоваться... Годъ тому назадъ я сама просила его перестать думать обо мнѣ... А теперь? Неужели это мѣся такъ задѣло?!.. Да и какой онъ мужественный сталъ!.. Интересный... Совсѣмъ не то, что было раньше: восторженный юноша... Нѣтъ, это уже не юноша!

— Рѣшайте, Анна Ивановна!.. Ну!

Коницыну пришлось нѣсколько разъ напомнить Прагиной, прежде, чѣмъ услышать отъ нея слова, которыя совсѣмъ озадачили его:

— Нѣтъ, вы останетесь при мнѣ...

— Какъ желаете...

— Гадкій!.. Но я не обижаюсь...

Анна Ивановна колебалась...

— Знаете —что,—наконецъ сказала она,—смотрите на меня! какъ хотите... Только уѣдемъ поскорѣе отсюда... Я хочу повеселиться... Но не въ большой компаніи... Только въ обществѣ съ вами... Поѣдемъ... Поужинаемъ въ ресторанѣ... Если у васъ нѣтъ денегъ, я васъ угощаю... Не возражайте... Я богатая... Я много зарабатываю...

— Да и у меня теперь заработокъ—очень хорошій...

— У васъ? Да вы только что кончили курить...

— И все таки я завѣдываю центральной конторой имѣнія князя Z. .

— Это другое дѣло... Все таки, будемте добрыми товарищами... Не корчите того, къ чему вы неспособны: угощать актрисъ, тратиться на нихъ... Эта пошлость къ вамъ не идетъ... Расходы пополамъ... По рукамъ—не такъ-ли.

Настроеніе Прагиной передалось и Коницыну... Онъ горячо пожалъ ея руку и почувствовалъ, что рука ея дрожитъ.

Прагина не сразу выпустила руку своего собесѣдника и какъ-то загадочно заглянула ему въ глаза.

— Вы всегда отличались странностями! — сказалъ онъ.

Но эта фраза далеко не дышала упрекомъ.

Прагина не возражала. Она радостно закивала головой:

— Снова мой! Снова мой! Поѣдемъ же! Покутимъ!...

III.

— Поужинали! Насытились!.. А теперь и въ дорогу!—обратилась Прагина къ Евграфу Петровичу.—Ѣдомъ, что ли?

— Ѣхать, такъ Ѣхать!

— И тонъ-то у васъ теперь не тотъ, что былъ раньше... Вы совсѣмъ измѣнились... Совсѣмъ мужчина...

— Годъ тому назадъ вы не признавали во мнѣ мужчины...

— Да, такъ было... Это правда... Но за годъ произошло много перемѣнъ... И вы измѣнились... Я даже васъ теперь боюсь...

— Не скушаю васъ...

— А если я васъ скушаю?

Евграфъ Петровичъ внимательно посмотрѣлъ на свою собесѣдницу:

— Не сладкій только я.

— А мнѣ, кажется, что вы даже очень вкусный...

— Вѣдь вы же не людоедка!

— Почему вы знаете? Я—актриса...

— Что вы все упрекаете себя званіемъ актрисы... Это—званіе высокое, почтенное... Сколько артистамъ приходится переживать на сценѣ!

Сколько волноній, терзаній душевныхъ мукъ и иногда даже міровой скорби, словомъ, всего того, что они вкладываютъ въ свою душу, выходя въ той или другой роли.

Евграфъ Петровичъ подсаживалъ Брагину въ карету.

— Куда же ѣхать?—Спросилъ онъ.

— Ко мнѣ...

— Я не знаю, гдѣ вы теперь живете...

— Правда, я живу уже не на той квартирѣ... Пусть везетъ на Фурштадтскую...

— На Фурштадтскую, голубчикъ!..

— Дайте мнѣ вашу руку.

Коницынъ безпрекословно повиновался.

— Помните, — продолжала она,—какъ годъ тому назадъ... вы въ знакъ особаго моего расположения къ намъ, получили разрѣшеніе брать мою руку... Почтительно держали въ своихъ рукахъ... И погомъ послѣ нѣкотораго колебанія... также почтительно цѣловали ее... Какой вы смѣшной были тогда!.. А теперь... Сколько времени мы были вмѣстѣ... И ужинали, и шампанское пили... А вы даже попытки не проявили вспомнить эту старину...

Прагина пододвинулась вплотную къ Коницыну...

«Что со мною дѣлается?—съ тревогою думалъ онъ.—Что она, со мною играетъ? Голова кругомъ идетъ... Она даже еще прелезательнѣе стала, чѣмъ была раньше... Но она какая-то другая».

Лицо Брагиной почти уже касалось Коницына. Онъ чувствовалъ ея горячее дыханіе.

«А Тамара?» — пронеслось въ умѣ молодого человѣка.

Но это было лишь одно мгновеніе.

Коницынъ, не помня себя, сталъ покрывать страстными поцѣлуями руки Анны Ивановны.

Она не сопротивлялась и только порывисто сказала ему:

— Вы такъ прежде не цѣловали!

Евграфъ Петровичъ поднялъ голову вверхъ.

Въ это время свѣтъ отъ улочнаго электрическаго фонаря упалъ на лицо Прагиной.

Коницынъ прочелъ въ ея глазахъ столько нѣжности и страсти... Онъ прижалъ ее къ себѣ и сталъ цѣловать ее въ щеки, глаза, губы...

Прагина не отталкивала его, а въ какой-то дремотѣ повторяла:

Ахъ, какъ хорошо! Мой милый! Дорогой... Хоть часъ, да мой...

Наконецъ, она очнулась и взглянула въ окно кареты:

— Велите остановить у слѣдующаго подъѣзда... Я живу одна... Взгляните-ка на мою келейку...

Кучеръ остановилъ лошадей...

Анна Ивановна выпорхнула изъ кареты, подбѣжала къ подъѣзду и позвонила...

Заспанный швейцаръ открылъ парадную...
— Я—здѣсь, въ первомъ этажѣ,—пояснила она Евграфу Петровичу. — Сюда на право... Ключъ у меня есть... Будить горничную не буду.

Вотъ вы и у меня... Помогите мнѣ снять ретонду... Сюда!.. Вотъ и будуаръ... Сейчасъ зажгу электричество... Сядемъ-же здѣсь на кушетку... Поближе ко мнѣ... Вотъ такъ... Обнимите меня... Слушайте...

Евграфъ Петровичъ повиновался...

— Вы красивы, молоды, сильны... Вы—служите еще идеѣ... Вы тотъ, которому я бы отдала всю свою жизнь... Но теперь поздно... Прошлое не вернуть... Я говорила вамъ, что я не та... Посмотрите только, какъ я живу... Нѣтъ, сидите... Не вставайте...

Дѣвушка была точно въ экстазѣ...

— Слушайте!.. Не перебивайте... Я хочу вамъ все объяснить... Я тогда васъ отвергла, потому что я еще не думала о любви... Да и за этотъ годъ я никого не любила... Встрѣтила васъ... Вы во мнѣ всю душу перевернули... Вы — моя совѣсть... Я исповѣдуюсь передъ вами... А вы казните меня, если у васъ хватитъ духу... Я вся въ вашихъ рукахъ... У меня есть талантъ... Но, вѣроятно, не гений... Будь я гениемъ—я бы, вѣроятно, не сдѣлала того, на что рѣшилась... Меня приняли на сцену... Мнѣ говорили много хорошаго о моемъ дарованіи... Нѣсколько разъ выпустили въ отвѣтственныхъ роляхъ... Газеты расхвалили меня и напороочили мнѣ блестящую будущность... Вы это помните?

— Помню,—глухо отвѣтилъ Коницынъ,—говорите дальше.

— Но потомъ дирекція точно забыла обо

мнѣ... Стала давать мнѣ играть не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ... Да и роли давали мнѣ самыя ничтожныя... Подруги по искусству съ какимъ-то злорадствомъ смотрѣли на меня... А одинъ изъ директоровъ, еще не старый человѣкъ, началъ проявлять ко мнѣ самое топкое вниманіе... Но положеніе мое въ театрѣ оставалось тѣмъ же... И играть не даютъ, и жалованье такое, что даже на жизнь не хватало...

— Дальше не говорите!—закричалъ самъ не свой Коницынъ,—я догадываюсь...

— Да это правда... Я продала себя ради искусства... Хорошо-ли, дурно-ли я сдѣлала—я и до сихъ поръ не могу сказать... Совѣсть меня часто мучаетъ... Вѣдь буквально продала себя, не только не любя, но даже... Съ отвращеніемъ... Когда я въ театрѣ, когда я на сценѣ, я все забываю... Я живу только театромъ и въ театрѣ... Всѣ мои сомнѣнія убѣгаютъ... Я служу искусству... Я въ немъ вижу цѣль жизни... Дорогой цѣной завоевала я себѣ положеніе... Но все-таки я теперь хоть какая-нибудь величина... Правда, я ощущаю пустоту... Меня, можетъ быть, кто-нибудь и любить... Но я никого не любила... Изрѣдка вспоминала о васъ... Сегодняшняя встрѣча перевернула мнѣ всю душу... Такъ и не удалось мнѣ соединить личное счастье съ служеніемъ дорогому для меня искусству...

— Простишь ли ты меня?—въ какомъ-то изступленіи зашептала Прагина, обнявъ обѣими руками Евграфа Петровича...—Моя любовь... Моя жизнь...

Молодые люди забыли все на свѣтѣ...

Н. Димовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. П. Павлова 2-я.

Шакалы.

Идутъ гурьбой трусливые шакалы
Въ ночь темную на дерзостный разбой...
Ихъ солнце днемъ могучее смущало,
Теперь же все покрыто темнотой.
Живутъ подъ страхомъ люди постояннымъ,

За смѣлый шагъ—поплатится храбрець...
Встаетъ заря сіянемъ блѣдно-страннымъ
И шлетъ ночнымъ волненіямъ конецъ.
И хищники, досаду прикрывая,
Толпою спугнутой уходятъ прочь...
Но есть страна, гдѣ безъ просвѣта ночь,
А люди ждуть его душой страдая
И борются съ превратною судьбой...
Но тьма вокругъ... надежды въ сердцахъ мало...

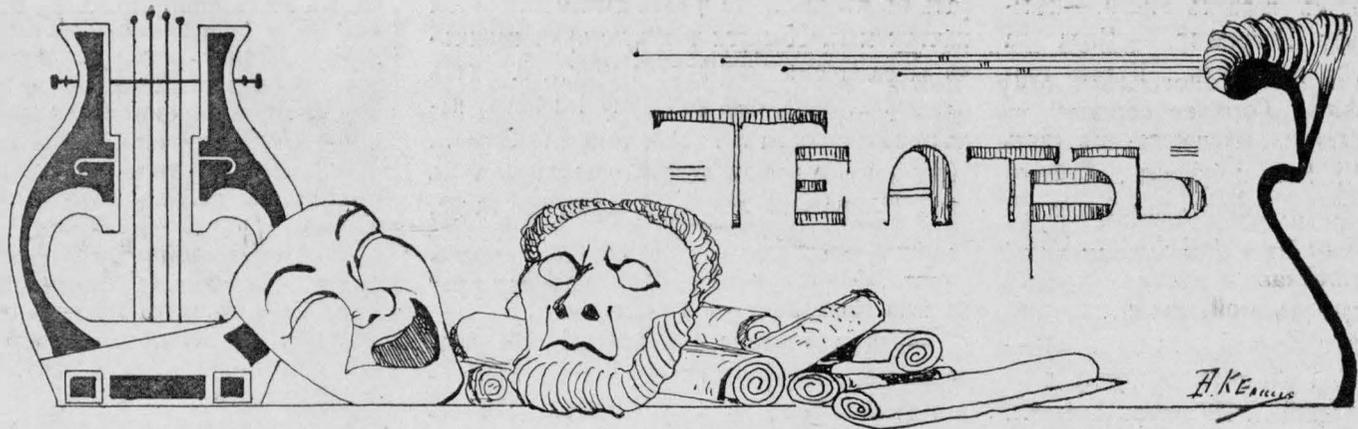
Идутъ гурьбой трусливые шакалы
Въ ночь темную на дерзостный разбой...

И. Давидовъ.

СЦЕНА и ЖИЗНЬ.

— М И Н У С Ы. —

Если вы не видѣли въ Александринскомъ театрѣ „Хорошенькую“, подите и посмотрите. Эта пьеса, «*pièce nouvelle*», сочиненіе Найденова, какъ нельзя лучше характеризуетъ современныхъ драматурговъ, косвеннымъ образомъ служащихъ богу Ваалу.

На этотъ разъ, я хочу специально говорить о минусахъ нашей казенной, такъ называемой, „образцовой“ сцены, дающихъ тѣ-же печальные минусы, при умноженіи на жалкій плюсъ. Алгебраическое правило примѣнимое, къ жизни вообще, и къ искусству въ особенности.

Примѣровъ тьма, а потому остановлюсь на г. Найденовѣ — этомъ желанномъ гостѣ казенной сцены, съ милостиваго разрѣшенія юродствующихъ старичковъ Театрально-Литературнаго комитета. Да не подумаетъ читатель, прочтя мою подпись, что я, какъ скромный драматургъ, завидую лаврамъ г. Найденова и хочу низвести ихъ до малороссійскаго борща. Наоборотъ, признаю въ г. Найденовѣ, также, какъ и во всѣхъ насъ грѣшныхъ, извѣстную способность (не болѣе) къ эскизной живописи или, вѣрнѣе, къ стремленію дать, болѣе или менѣе, жизненные контуры, не тронувъ ихъ талантливой кистью. Какъ „вѣра безъ дѣла мертва есть“, такъ и искусство безъ красокъ сводится къ точной гравюрѣ, въ которой нѣтъ, къ сожалѣнію, неба, солнца и воздуха, необходимыхъ для каждой реальной картины.

Найденовъ — искусный граверъ и весьма недурный фотографъ-любитель, то передерживающій, то недодерживающій снимки. И вмѣсто живыхъ лицъ получается зачастую нѣчто вродѣ бѣлаго пятна, гдѣ трудно отличить носъ отъ глазъ, и губы принимаются за подбородокъ.

Останавливаюсь на Найденовѣ, причастномъ къ минусамъ образцовой сцены, только потому, что онъ, какъ извѣстная единица, головой выше премьерскихъ протезъ, наводнявшихъ съ давнихъ поръ Александринскій театръ. Выше уже потому, что безпристрастнѣе по отношенію къ премьерамъ. И все простится ему, потому что не вѣдаетъ, порой, что творить, но, несмотря на это, смѣло идетъ впередъ, опираясь на сверхъ-услужливую рекламу.

Найденовъ — резюмируетъ потребности

нашего образцоваго театра. На сей разъ даже Театрально-Литературный комитетъ я оставляю въ сторонѣ. То, что почетно доживаетъ свой вѣкъ, заслуживаетъ глубокого уваженія. Мертвые бо срама не имутъ.

Меня главнымъ образомъ интересуетъ одно:

Какими путями Найденовъ добрался до образцовой сцены и попалъ въ грустное число ея типичныхъ минусовъ?..

На свой вопросъ постараюсь самъ и отвѣтить.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Найденову и намъ «грѣшнымъ» (подчеркиваю это слово не изъ самоуниженія, а изъ желанія смириться передъ неизбежностью), бы и выданы *третьи* преміи, по триста рублей каждая, ибо, по мнѣнію компетентныхъ судей конкурса Литературно-Художественнаго общества, ни одна пьеса *первой* преміи не заслужила.

«Дѣти Ванюшина» были оценены на Литературно-Художественномъ аукціонѣ въ триста рублей и хладнокровный ударъ молотка завершилъ продажу, не вызвавшую даже словопрений.

Да проститъ мнѣ читатель ересь!.. И послѣ конкурса и послѣ постановки, имѣющей, по словамъ газетъ, «ошеломляющій успѣхъ», я не считалъ и не считаю до сихъ поръ „Дѣтей Ванюшина“ пьесой, въ полномъ смыслѣ этого слова. Меня приводитъ въ восторгъ небрежный мазокъ Рѣпина и раздражаетъ прилизанная фотографія, похожая на граверную иглу, методично рѣжущую камень. Я никогда не умилился Алешей и не плакалъ надъ старикомъ Ванюшинымъ, чувствуя, что настоящій сверкающій талантъ могъ бы сдѣлать ихъ въ сто разъ сердечнѣе и рельефнѣе, не прибѣгая къ помощи граверной иглы.

Но... гласъ народа — гласъ Божій.

Съ мнѣніемъ публики, къ слову сказать признавшей Яворскую выдающейся актрисой, приходится считаться. Пусть «Дѣти Ванюшина» съ ужаснѣйшимъ четвертымъ актомъ, гдѣ всякій намекъ на жизнь пугливо прячется въ норку шаблона, доходя до грубаго мелодраматизма, — литературный шедевръ. Пусть такъ! Я готовъ подчиниться гласу народа. Ну, а «Авдотина жизнь» съ закисшей моралью, или подчеркнутыя до каррикулы «Стѣны» — тоже шедевры? На этотъ разъ, гласъ народа молчитъ, и я вполне съ ними солидаренъ.

Казенной сценѣ необходимы минусы, ибо она, подобно всякому чиновничьему

учрежденію, пугливо сторонится плюсовъ, видя въ нихъ какія-то новыя, неразрѣшенныя начальствомъ, идеи. Плюсъ, какъ никакъ, символируетъ улучшение, а это равносильно метлѣ, могущей смести въ единый мигъ архивную пыль «входящихъ и исходящихъ».

Найденова не было, но онъ сталъ; («Проснулся великимъ человѣкомъ», какъ говорили газеты) и старцы Театрально-Литературно-Театрального комитета, во главѣ съ уважаемымъ П. И. Вейнбергомъ, снисходительно разрѣшавшіе къ постановкѣ на Императорскихъ сценахъ «Урокъ Танцевъ» — И. Гриневской и т. п. прелести, пропустили и Найденова, опираясь на тѣхъ же „Дѣтей Ванюшина“ и руководствуясь евангельскимъ изреченіемъ: „въ началѣ бѣ слово“!..

Но слово не было. Ни отъ Найденова, ни отъ Трахтенберговъ. Канторскіе чиновники тяготеютъ къ рекламѣ, видя въ ней родственное „повышеніе“, а Театрально-Литературный Комитетъ сладко дремлетъ въ сознаніи собственныхъ достоинствъ и услугъ, оказанныхъ родинѣ, заключающихся единственно только въ сверхъ-преклонныхъ годахъ.

Исполать имъ.

Я удивляюсь, зачѣмъ существуютъ минусы, когда, при огромныхъ средствахъ казеннаго театра, могутъ быть только плюсы?

На дняхъ я разговаривалъ съ однимъ извѣстнымъ казеннымъ актеромъ, и онъ сказалъ мнѣ, уныло разводя руками:

— Что подѣлаешь?.. Нѣтъ пьесъ!.. Ищемъ, ищемъ — и не можемъ найти!..

Какой чудакъ этотъ милый и, до безконечности симпатичный казенный актеръ!..

„Нѣтъ пьесъ“!..

Воскрешу въ памяти читателей недавняго режиссера А. А. Санина, съумѣвшаго сдѣлать такъ, чтобы „устарѣвшая“ пьеса Островскаго „Горячее сердце“ прошла чуть ли не сорокъ разъ при переполненныхъ сборахъ. Мнѣ скажутъ, что въ данномъ случаѣ успѣху пьесы много способствовала игра Давыдова, Варламова, покойнаго Медвѣдева и др. Это вздоръ! И Варламовъ и Давыдовъ играютъ совмѣстно во многихъ пьесахъ, играютъ тонко, художественно, но публики не привлекаютъ. Чѣмъ же привлекъ публику, находящійся нынѣ „не у дѣль“ Санинъ?.. Тѣмъ, что *использовалъ* Островскаго такъ, какъ его не использовали другіе. Въ „Горячемъ сердцѣ“ я видѣлъ берегъ Волги, гдѣ каждая изви-

лина обрыва, каждый кустикъ, каждая травка дышала жизнью. Я видѣлъ Хлынова, Курослыпова, Гродабаева, — взятыхъ рукой чуткаго художника и перенесенныхъ на полотно. Много лѣтъ тому назадъ я видѣлъ „Горячее сердце“, въ постановкѣ другихъ режиссеровъ; (хотя въ роли Хлынова и отличался покойный Н. Ф. Сазоновъ), но это было не то, потому что въ прежней постановкѣ не участвовалъ художникъ Санинъ, сѣмѣвшій понять и Островскаго и русскую правду, во всей ея первобытной, но неуловимо прелестной наготѣ.

Много званыхъ, но мало избранныхъ. Санинъ не избранъ, но за то избраны Озаровскіе, Дарскіе, Корневы и гумозные Петровскіе, ежедневно приклеивающіе искусство къ носу и подбородку. Санинъ терпитъ убытки въ Новомъ театрѣ, ищетъ меценатовъ, могущихъ поддержать молодое, работоспособное товарищество, а г.г. Озаровскіе, Дарскіе и имъ подобные, торжествуютъ, съ благоговенія г. Крупенскаго и другихъ благонамѣренныхъ чиновниковъ, видящихъ искусство въ изящныхъ изгибахъ спины, зачастую даже сверхъ-положенныхъ предѣловъ.

Возвращаюсь къ „Хорошенькой“. Если вы не видѣли, то посмотрите.

Посмотрите, до чего дошла казенная сцена, присвоившая себѣ названіе „образцовой“ и выдающая за образецъ всякую одобренную дребедень. Бросайте цвѣты Далматову! Онъ, своей тонкой художественной игрой, спасаетъ пьесу отъ позорнаго провала, стараясь все время множить Найденовскій минусъ на свой собственный плюсъ. Но алгебраическое правило извѣстно. Его не переступишь.

Минусы, минусы и минусы.

Санина и Карпова нѣтъ. Есть Озаровскій и ему подобная мелочь, изучившая искусство по энциклопедическому словарю, да развѣ еще г. Петровскій, ежедневно мѣняющій носы и подбородки.

Этимъ исчерпано все.

Но начальству, очевидно, это нравится.

Откиньте въ сторону бездарную „Хорошенькую“ съ ея набившей оскомину моралью, и возьмите хотя бы... „Жанину“, поставленную специально для туалетовъ г-жи Мичуриной, или «Вейганда», поставленнаго, кажется, для г-жи Мусиной и потому не выдержавшаго даже традиционныхъ десяти представлений.

А г. директоръ, чувствующій съ дѣтскихъ лѣтъ склонность къ французскому театру и разрѣшающій ставить въ немъ позорнѣйшіе фарсы, доволенъ рѣшительно всѣмъ. Доволенъ и Озаровскимъ Мусиной, и Мусиной Озаровскимъ, и гумознымъ Петровскимъ, съ его приклеенными частями тѣла, и туалетной Мичуриной, съ весьма сомнительными туалетами.

Въ морѣ минусовъ тонуть плюсы, яркіе, сверкающіе плюсы. А ихъ тоже много, только не подходятъ они къ чиновничьему, Крупенскому міросозерцанію. Они, свободные, какъ вѣтеръ, рвутся къ правдѣ, предначертанной самимъ искусствомъ, рвутся къ свободѣ и воздуху, спрятаннымъ въ наше время въ могилу конторскихъ, просиженныхъ стульевъ.

Минусы, минусы и минусы!..

Прячьтесь въ норку, свѣтлые, но малочисленные плюсы!..

Ваше время „пока еще“ не настало.

Павель Вейнбергъ.

НАШЪ АЛЬБОМЪ.

М. М. ПЕТИПА.

Прослуживъ балету
Долгихъ тридцать лѣтъ,
Не бросайтесь въ Лету:
Тамъ вамъ мѣста нѣтъ!

Н. Н. ФИГНЕРУ.

За четверть вѣка вы успѣли
Испортить множество ролей...
И въ благодарность, что хрипѣли,
Даютъ на двѣхъ вамъ юбилей.

М. И. РАЗСУДОВУ.

Быть не можетъ разныхъ
Мнѣній, пересудовъ:
Лучшій комикъ въ «Фарсѣ» —
— Михаилъ Разсудовъ!

F. Masconi

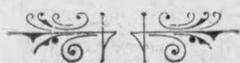

Театральное эхо.

Михайловскій театръ.

«*Le coeur et le reste*», фарсъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ, поставленный на сценѣ Михайловскаго театра, оказался въ высшей мѣрѣ пошлою и глупою пьесою. Необходимые аксесуары французскихъ фарсовъ, пощечины, раздѣванье на сценѣ и сальности въ большомъ количествѣ, вотъ и все. Ни идеи, ни мысли, и, главное, отсутствіе веселости и остроумія,—пошлость не есть остроуміе. Жаль артистовъ, принужденныхъ ломаться въ теченіи трехъ актовъ—въ особенности г-жу Гутье, серьезную артистку, которой почему то приходится играть въ глупѣйшихъ фарсахъ, какъ «*La rose à l'oreille*» и «*Le coeur et le reste*». Г. Старкъ сдѣлала все, что могла, усиленно подчеркивая всѣ двусмысленности, которыми изобилуетъ пьеса. Г-жа Алокъ была совсѣмъ не на мѣстѣ, такъ же какъ и ея длинный шлейфъ; въ приличныхъ домахъ не видно горничныхъ, метущихъ комнату своими юбками. Г-жа Модемъ показала красивый розовый туалетъ и одногонную дикцію. Одна г-жа Бернаръ внесла живую нотку; съ большимъ комизмомъ и юморомъ изобразила она любознательную миссъ, желающую все видѣть и все знать, и путешествующую съ фотографическимъ аппаратомъ, чтобы запечатлѣть все видѣнное въ своей памяти. Делормъ монотонно и однообразно игралъ свою роль, Манжень тщетно силился казаться комичнымъ, Андриэ по обыкновенію игралъ по сѹфлеру, Фредадь старался «во всю». Содержаніе пьесы настолько нелѣпо и неинтересно, что не стоитъ даже утруждать читателей пересказомъ пьесы. Можно только сказать, что желательно было бы видѣть нѣчто болѣе интересное. Неужели же во Франціи не нашлось болѣе остроумнаго и веселаго фарса. Удивительно, что, г. Делормъ выбралъ подобную вещь для своего бенефиса, онъ человѣкъ со вкусомъ и могъ бы дать нѣчто болѣе интересное и менѣе банальное.

Голосъ изъ публики.

Малый театръ.

Въ «Красивой оправѣ» (пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ) Невѣжина, въ красивомъ, стильномъ исполненіи даровитыхъ артистовъ Малаго театра привлекла полный залъ публики. Содержаніе пьесы въ краткихъ словахъ слѣдующее.

СЦЕНА и ЖИЗНЬ.

Сухой, эгонистичный бюрократъ расходится съ женою, она оказывается черезчуръ проста для него. Но вотъ черезъ 10 лѣтъ послѣ разлуки имъ приходится опять встрѣтиться на дѣловой почвѣ у его сестры. Но онъ уже не видитъ въ своей женѣ прежней, тихой, забытой женщины, а встрѣчаетъ еще красивую, талантливую, пробившую себя своимъ трудомъ дорогу къ славѣ, артистку. Въ его сердцѣ снова вспыхиваетъ любовь къ женѣ, но она отклоняетъ всякія попытки къ сближенію. Въ концѣ концовъ примиренье состоялось подъ влияніемъ умной сестры суроваго бюрократа, его дочери и молодого влюбленнаго въ нее, полного идеальныхъ стремленій человѣка.

Но обошлась пьеса и безъ «кулака» помѣщика и представителя власти, неизбежнаго аксесуара теперешнихъ авторовъ. Чубинскій и Хворостовъ хорошо справились съ своими ролями и были вполне на своемъ мѣстѣ. Лучше всѣхъ былъ Глаголинъ. Это безспорно большой талантъ. Въ каждую свою роль вноситъ онъ нѣчто новое, и его Чекулинъ оставилъ яркое, живое впечатлѣніе: мы видѣли передъ собою идеалиста, полного какихъ-то еще неясныхъ, но благородныхъ стремленій. Въ особенности хорошъ онъ былъ въ сценахъ съ г-жею Вадамовою, безспорно хорошею артисткою, много общающею въ будущемъ. Г. Ваступовъ съ его чисто барскою осанкою какъ-бы созданъ для подобныхъ ролей. Г-жа Троинова была очень и очень хороша. Она видимо вложила всю душу въ исполненіе трудной роли жены. По наружности это была дѣйствительно женщина въ красивой оправѣ и немудрено, что и мужъ и кулакъ-помѣщикъ оказались безъ ума отъ нея. Г-жа Свободина-Варышева съ присущимъ ей умѣниемъ придавала интересъ безцвѣтной роли сестры бюрократа, а г-жа Яблочкина типично изобразила старую няньку. Не будь такихъ хорошихъ исполнителей, пьеса г-на Невѣжина прошла бы незамѣтно и только дружное исполненіе артистовъ заставляло забывать недочеты пьесы. Отъ автора «Второй молодости» можно было бы ожидать большаго.

Въ «Красивой оправѣ» подходитъ подъ шаблонъ,—правда недурныхъ, но и ничѣмъ не выдающихся пьесъ. Посмотришь, и забудешь, между тѣмъ, какъ «Вторая Молодость» оставяла глубокой слѣдъ.

«Фаустъ» въ Народномъ Домѣ.

Неувядаемость красотъ музыки Гуно всегда увлекаетъ публику, если только постановка и исполненіе «Фауста» болѣе или менѣе сценичны. Между тѣмъ въ «Народномъ Домѣ», судя по послѣднему воскресному спектаклю, опера эта не произвела должнаго впечатлѣнія.

Заглавную роль исполнялъ г. Черновъ. Артистъ даровитый, тепоръ его большой и звучный, но сильно-драматическія партіи болѣе ему удаются, чѣмъ лирическія. Неудивительно, такимъ образомъ, если г. Черновъ—превосходный Гер-

манъ въ «Пиковой Дамѣ»—оказался посредственнымъ Фаустомъ. Впрочемъ пѣлъ онъ и на этотъ разъ съ тонкимъ музыкальнымъ вкусомъ и большимъ разнообразіемъ.

У г. Карташева—Валептина есть голосовой матеріалъ. Баритонъ симпатичный, сочный особенно въ среднемъ регистрѣ; звуки же верхняго регистра требуютъ дальнѣйшей серьезной обработки. Постъ артистъ нѣжно, но сценическое исполненіе пока весьма слабое: движенія и жесты угловатые, мимика почти отсутствуетъ. Знаменитая каватина «Богъ всеисильный!» въ исполненіи, г. Карташева прошла при гробовомъ молчаніи.

Хорошо пѣлъ и игралъ г. Галецкій—Мефистофель. Васъ его хотя нѣсколько суховатаго тембра, но за то во всемъ чувствуется извѣстный опытъ и осмысленное пониманіе гетевскаго образа. «Наземлѣ весь родъ людской» и серенаду въ VI актѣ г. Галецкій биссеровалъ.

Г-жа Чарина оказалась бы недурною Маргаритой, если бы въ сценическомъ отношеніи проводила свою роль болѣе увѣренно. Въ аріи съ ожерельями артистка пыталась обнаружить свою еще не вполне развитую колоратуру. За арію эту г-жѣ Чариной все-таки аплодировали, такъ какъ сопрано у нея звучное, а публика прежде всего реагируетъ на сильныя звуки голоса.

Съ неблагоприятной въ художественномъ отношеніи ролью Зибеля удачно справилась г-жа Куткова.

Г-жа Глипекая типичная съ виѣшней стороны Марта.

За пюпитромъ сидѣлъ г. Бауреръ, замѣнившій талантливаго дирижера г. Зеленаго.

Г. Бауреръ—хорошій музыкантъ, но оркестръ велъ холодно и совершенно безучастно.

Моро.

Концертъ г. Карганова.

Въ Маломъ залѣ Консерваторіи состоялся концертъ г. Карганова. Онъ обладаетъ недурнымъ, приятнымъ, хотя и небольшимъ голосомъ, съ удивительно красивымъ ріапо. Ему слѣдовало бы только избѣгать пѣть аріи изъ оперъ, въ особенности по французски (аріи Торреадора изъ оп. «Карменъ»); въ первую минуту трудно даже разобрать, на какомъ онъ поетъ нарѣчій. Зато исполненіе имъ ряда цыганскихъ пѣсенъ вызвало вполне заслуженный восторгъ публики, въ особенности «Пара гнѣдыхъ». Со временъ Давыдова, знаменитаго исполнителя этого романа, не приходилось намъ слышать такого хорошаго исполненія. Если г. Каргановъ остановится на этомъ жанрѣ, то безусловно составитъ себѣ имя, у него много огня и чувства. Отмѣтимъ г-жу Юрьеву-Смѣльскую, толково спѣвшую арію изъ «Орлеанской дѣвы» и скрипача Заславскаго, обладающаго недюжиннымъ талантомъ.

Изъ Книги „бытія театральнаго“.

О начальникъ неразумѣющемъ и опричникъ его добромъ съ фамиліей крупенистой.

Съ малыхъ лѣтъ мужъ сей склонность къ упражненіямъ клавесиннымъ чувствовалъ и польки заграничныя съ легкостью наигрывалъ, въ умиленіе приводя семью свою многочисленную и знакомыхъ добрыхъ, польки сіи за истинное искусство почитающихъ. Достигнувъ возраста зрѣлаго и служа отечеству вѣрой и правдою, задумалъ мужъ сей, Владиміромъ именуемый, на подмосткахъ театральныхъ себя испробовать и рекъ, обращаясь къ сильнымъ міра сего, и на протекцію свою, аки на костыли опираясь:

— Надоѣло мнѣ полку моему возлюбленному пользу приносить!.. Хочу на театры дѣйствовать, поелику служба тамъ для мозговыхъ оболочекъ не обременительная и ничего другого, удовольствія кромѣ, сердцу не приноситъ!..

На что сильные міра сего отвѣтствовали не безъ пріятства:

— Лѣзя ли придумать что либо лучше?.. Ежели оболочекъ своихъ мозговыхъ обременять ты не хочешь, будь директоромъ театра образцоваго, пользуясь всѣми правами и прерогативами, званіемъ симъ высокимъ даруемыми!..

И вступилъ мужъ сей въ должность свою высокую, оболочекъ мозговыхъ не обременяя, радостію великою преисполненный.

II.

Былъ день и былъ часъ!..

Начальство протекціонное въ чинѣ полковничьемъ, служащими угодливыми „превосходительствомъ“ нареченное, — въ качествѣ опричника, юношу доблестнаго съ фамиліей крупенистой, къ себѣ приспособило и восхотѣло вмѣстѣ съ онымъ реформы великія производить, для чего, допрежъ всего, рыдваны театральные упразднило, полагая предпріятіемъ симъ высокоумнымъ краеугольный камень въ основу реформенную положить.

И заходили комедианты хожденіемъ пѣшимъ, ноги свою грязью липкою орошая и начальство, къ клавесиннымъ упражненіямъ склонность чувствующее, проклиная.

Тогда юноша доблестный, съ фамиліей крупенистой, твердо о пословицѣ истинно-русской памятуя, касательно стѣнны уши имѣющихъ, ушами оными себя вообразилъ и рекъ, подобно тростнику болотному, сгибаючись:

— О, Господине!.. Коли желаешь ты театр образцовый на приличествующую высоту поставить, гони всѣхъ въ шею безъ различія пола и возраста, а особливо супостатовъ моихъ, кознями злыми меня донимающихъ, а ужъ я въ благодарность за сіе ежедневно буду сандалиі ваши ваксой начищать и спину вашу, въ случаѣ болѣзни, мазями благовонными растирать!..

И отвѣтствовало начальство полковничье, „превосходительствомъ“ нареченное:

— Дѣйствуй, сообразно усмотрѣнію твоему, чадо мое любезное, поелику

мозги мои берегу, пуше ока яснаго, и утруждать ихъ изъ за всякой бездѣлицы не намѣрень!..

Тогда началось дѣйство бѣсовское и началась казнь, ежедневными выговорами и штрафами сопровождаемая. Опричникъ, съ фамиліей крупенистой, къ призыву склонность чувствующій, вездѣ уши свои стѣнныя преклонялъ и доносилъ обо всемъ начальству съ рвеніемъ крысы театральнаго, всѣ норы малозамѣтныя тщательно изучившей. И ненавидимъ быша всѣми комедиантами по плясовой и разговорной части комедь непотребную ломающими.

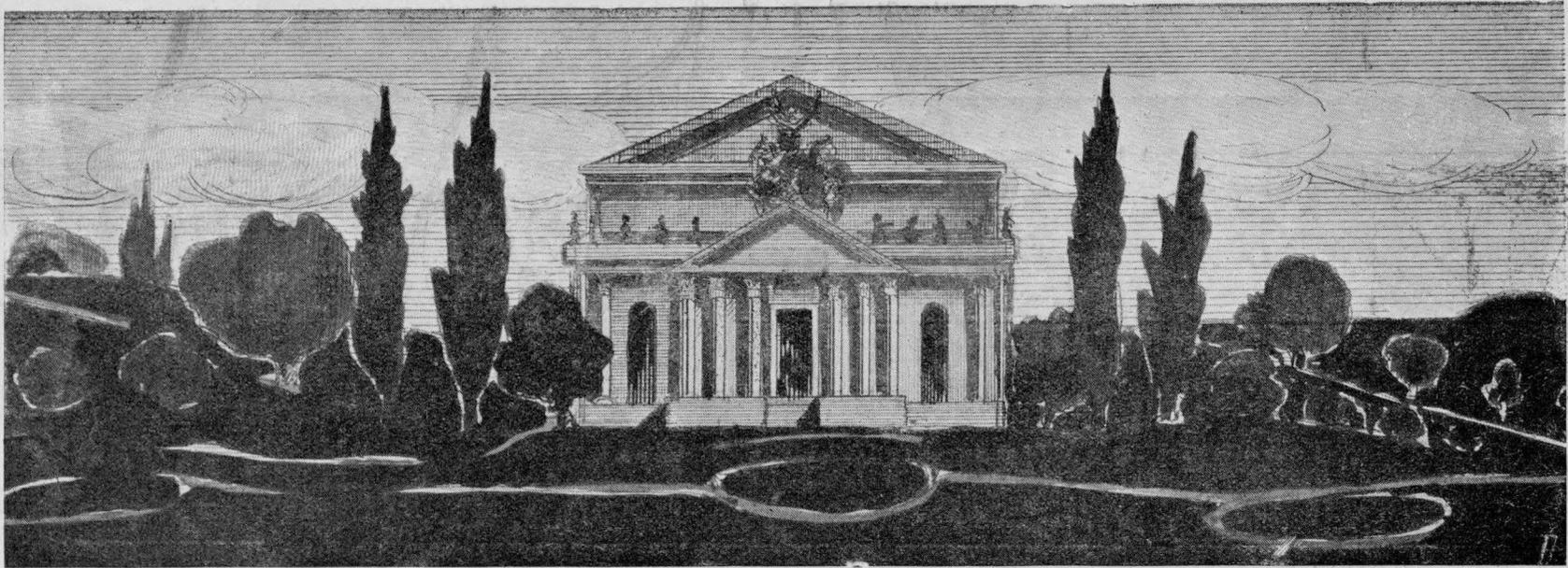
Начальство же клавесинное, мозговъ чувствительныхъ обременять не желая, восхотѣло тоже себя проявить по части художественной и принесло въ жертву себѣ Островскаго нѣкоего, театральнаго комедіи воспроизводящаго. Для начала же безобразія сего, поручило дамѣ почтенной, пенсію получающей, роль Катерины молодой, въ трагедіи „Грозой“ именуемой, играть, чѣмъ значительно упадку искусства способствовало, ибо даже поговорка гласитъ, что всякому овощу свое время, и яблоки морщенные никогда фруктомъ свѣжимъ не нарекутся.

И съ сего времени все и началось. И піесы пошли непотребныя, комитетомъ Литературно-Театральнымъ одобренныя, и авторы драматургическіе къ театру присосались, съ разрѣшенія начальства колочечу-усатаго, отвращеніе во всей публикѣ поселяя.

И продолжается безобразіе сіе по настоящее время, удивленіе иностранцевъ возбуждая. Аминь.

Лѣтописецъ.

Театральная хроника.

Дирекція казеннаго театра категорически рѣшила не отпускать въ отпускъ никого изъ своей труппы вплоть до 1-го мая. Г. Варламовъ вошелъ съ ходатайствомъ дать ему отпускъ на Великій постъ и предложилъ даже отказаться отъ содержанія. Г. Теляковскій отвѣтилъ очень резонно г. Варламову, что если онъ разрѣшитъ ему, то въ такомъ случаѣ онъ обязанъ и другимъ сдѣлать тоже. Г. Варламову въ ходатайствѣ отказано.

— Давно бездѣйствующій казенный театръ на Каменномъ островѣ, предполагается отремонтировать и къ концу іюня давать спектакли какъ оперные, такъ драматическіе и балетные.

Поѣздка В. Ф. Комиссаржевской въ Америку и Японію окончательно рѣшена. Составъ труппы и репертуаръ вполне опредѣлился. Передъ поѣздкой въ Америку В. Ф. Комиссаржевская дастъ нѣсколько спектаклей въ провинціи, а затѣмъ въ Нью-Йоркѣ, гдѣ уже законтрактованъ лучший въ городѣ театръ «Liberty» на пятьдесятъ дней, въ теченіе которыхъ будетъ дано 100 спектаклей, по 50 дневныхъ и вечернихъ. Сама В. Ф. будетъ участвовать только въ вечернихъ. Послѣ Нью-Йорка труппа отправляется въ Вашингтонъ, гдѣ будетъ дано 25 спектаклей. Изъ Америки В. Ф. ѣдетъ въ Японію, гдѣ также сняты театры въ шести большихъ городахъ. Изъ Японіи В. Ф. съ труппой направляется во Владивостокъ. Гастроли закончатся въ Москвѣ. Репертуаръ составленъ почти исключительно изъ русскихъ авторовъ: Гоголя, Грибоедова, Островскаго, Чехова, Горькаго, Андреева, а также Ибсена и Зудермана. Составлены будутъ пьесы: Ревизоръ, Горе отъ ума, Дикарка, Безприданница, Чайка, На дѣвѣ, Жизнь человѣка, Нора и Бой бабочекъ.

Въ настоящее время на пути изъ Америки находится уполномоченный В. Ф., г. Орловъ,

который заключалъ договоры по найму театровъ. Все это путешествіе потребуетъ колоссальныхъ расходовъ; такъ для начала, для задатковъ владѣльцамъ театровъ переведено было временно г. Орлову болѣе 40000 рублей. Все турнэ продлится 6 мѣсяцевъ.

Дирекція «интимнаго» театра, о которомъ ровно, къ слову сказать, ничего не извѣстно, (кромѣ фамиліи его антрепренера, какого-то г. Ангарова-Мутовкина), ведетъ, по слухамъ, переговоры съ г. Мейерхольдомъ, который далъ будто бы свое принципиальное согласіе быть режиссеромъ этого, интереснаго и пикантнаго по своему названію театра.

Первые спектакли предполагается устроить въ Большо-Охтенскомъ театрѣ.

Официальныя свѣдѣнія о числѣ посѣтителей въ театрахъ и увеселительныхъ мѣстахъ даютъ: для Мариинскаго театра 10,417, для Александринскаго 5,620, Михайловскаго 3,928 посѣтителей. Изъ частныхъ театровъ серьезнаго репертуара на первомъ мѣстѣ театръ литературно-художественнаго общества 11,850 (включая двойные спектакли по праздничнымъ днямъ 21-го и 25-го ноября), затѣмъ Комиссаржевской 3,690 (включая двойной спектакль 25-го ноября), Немецки—5,612, Народный Домъ—50,123 (изъ этого числа за 21-ое ноября 13,691 и за 25-ое 15,385) и циркъ 4,190.

Изъ театровъ культивирующихъ легкой жанръ, первенство принадлежитъ «Буффю» привлечшему за недѣлю 5,810 посѣтителей. Далѣе слѣдуетъ Пассажъ—3,455, Екатерининскій—3,276 и Фарсъ—2,640.

За одинъ день больше всего перебивало въ Петровскомъ паркѣ—30,469 (25 ноября).

На дняхъ выяснились окончательно условія поѣздки труппы театра «Фарсъ» въ провинцію.

Поѣздка, составленная по инициативѣ М. И. Разсудова, заключила контракты: на 2 и 3 недѣли поста въ Тифлисъ (театръ Артистическаго Общества); на 5-ю и 6-ю недѣлю—въ Баку и на Пасху и Троицкую—въ Харьковъ (Большой Городской театръ). 14 провинціальныхъ городовъ выразили желаніе видѣть у себя въ посту труппу «Невскаго Фарса». Составъ труппы окончательно сформированъ: ѣдутъ лучшія силы въ лицѣ гг. Казанскаго, Мосоловой, Вадимова, Разсудова, Кармина, Ростовцева и нѣкот. друг. Репетиціи начнутся черезъ 1½ недѣли. Главный режиссеръ—В. Ю. Вадимовъ. Пайщиками дѣла состоятъ г.г. Казанскій, Разсудовъ и Вадимовъ.

На репетиціи пьесы «Три Волхва» между дирекціей и студентами, участвующими въ пьесѣ въ качествѣ статистовъ произошелъ слѣдующій инцидентъ: на сценѣ стоялъ студентъ Ш.; въ это время къ нему подходитъ одинъ изъ директоровъ театра, г. Бурнашевъ, и грубо заявляетъ: — Вы почему здѣсь стоите?... удалитесь!.. — А потому, что я участвую въ этой пьесѣ... Къ тому же вы не имѣете права говорить такимъ тономъ...

— Я вамъ говорю удалитесь — проговорилъ Бурнашевъ.

Оскорбленный студентъ удалился.

Поступокъ г. Бурнашева вызвалъ среди артистовъ возмущеніе. Въ тотъ же вечеръ ими было выбрано три депутата и послано отъ имени всей корпораціи для разслѣдованія этого инцидента.

Дирекція обѣщала выяснитъ этотъ случай.

На этихъ условіяхъ было приступлено къ репетиціи; артисты заявили, что въ противномъ случаѣ они оставятъ занятія и свои мѣста объявятъ подъ бойкотомъ.

Надняхъ представлена въ драматическую цензуру оперета-пародія «Бѣлые вороны». Либретто составлено очень остроумно и главная роль специально сдѣлана для г-жи Варламовой и г. Кошевскаго. Слышавшіе въ чтеніи пьесу отзываются о ней съ большою похвалою. Особенно хороша сцена кутежа у Иоаннитокъ. Вся оперета изобилуетъ громаднымъ количествомъ весьма остроумныхъ куплетовъ.

Только два дня тому назадъ окончились переговоры двухъ антрепренеровъ труппы «Фарсъ»: московскаго директора, Сабурова, съ нашимъ антрепренеромъ г. Казанскимъ. Они съ будущаго сезона составляютъ компанію и антрепренерствуютъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Антреприза будетъ функционировать въ теченіе дѣлаго года. Съ начала Великаго поста для этого грандіознаго предпріятія составляется большая труппа. Г. Сабуровъ уѣхалъ въ Кіевъ для приглашенія артистовъ изъ антрепризы С. Н. Новикова. Какой театръ будетъ ими арендованъ въ Петербургѣ—пока еще неизвѣстно. Ходятъ слухи, что арендуютъ «Ливадію».

Мы слышали, что антрепренеръ С. Н. Новиковъ получилъ предложеніе отъ директора театра «Пассажъ» А. Б. Вилинскаго предложеніе передать ему право на аренду—до окончанія срока контракта. С. Н. Новиковъ въ принципѣ выразилъ согласіе, но окончательный отвѣтъ обѣщалъ дать г. Вилинскому по пріѣздѣ въ Петербургъ. С. Н. Новиковъ пріѣзжаетъ въ столицу за полученіемъ отъ Правительства вознагражденія въ 27 т. рублей за убытки, понесенные въ Ялтѣ лѣтнимъ сезономъ.

Съ 26 декабря въ Москвѣ снятъ артистомъ Н. Е. Кубанскимъ «Интернаціональный театръ» и составляется опереточная труппа. Н. Е. Кубанскій въ настоящее время находится въ Москвѣ и формируетъ труппу. Онъ предполагаетъ дать рядъ гастролей изъ лучшихъ силъ опереточныхъ артистовъ. Имъ приглашены на 15 спектаклей г-жа Смолина, на 10 спектаклей г-жа Пюнтковская, и на 8 спектаклей г-жа Вяльцева. На тоноровыя партіи приглашается оперный артистъ Л. М. Клементьевъ. Предполагается поставить новую оперетку «Рыцаря азарта». Въ число постоянныхъ членовъ труппы приглашены Петрова-Кубанская на лирическія партіи, и М. Никитина—на каскадныя.

Переводчикъ многихъ иностранныхъ оперетокъ Л. Л. Пальмскій, ѣздившій въ ноябрѣ за границу, привезъ три новыхъ оперетки. Всѣ онѣ уже переведены, представлены въ цензуру и въ началѣ декабря пойдутъ въ театрѣ «Буффъ».

Режиссеръ театра Буффъ, А. А. Брянскій, уѣхалъ въ Лондонъ специально посмотреть новую оперетку, написанную авторомъ «Веселой вдовы». Оперетта въ настоящее время дѣлаетъ полные сборы въ Лондонѣ.

На Великій постъ труппа театра «Буффъ» ѣдетъ на гастроли въ Москву, въ театрѣ Корша.

П. В. Тумпаковъ везетъ съ собою новую «оперетту-мозаику» Валентинова «Ночь любви».

Н. И. Потапенко привезъ партитуру собственнаго сочиненія своей новой оперетки подъ названіемъ «Золото». Просматривалъ его партитуру одинъ изъ дирижеровъ.

Опереточная артистка М. П. Никитина, находящаяся временно въ Петербургѣ, получила приглашеніе отъ антрепренера С. И. Крылова на 10 гастролей въ Ростовъ на Дону съ платою по сто рублей за спектакль и одинъ бенефисъ.

Говорятъ, что антрепренеръ Крестовскаго сада думаетъ построить зимній театръ—фасадомъ на набережную,—и составитъ на будущую зиму труппу Фарсъ. Новый зимній театръ будетъ соединенъ съ концертнымъ заломъ.

Бенефисъ премьеры труппы театра «Буффъ» г. Михайлова прошелъ блестяще какъ съ артистической, такъ и финансовой части. Мы не понимаемъ, какъ такому талантливому артисту, какъ г. Михайлову пришло въ голову поставить новое обзрѣніе «Петербургскія силуэты». Болѣе жалкаго по содержанію и бездарнаго произведенія мы рѣдко встрѣчали на сценѣ.—Неужели находятся режиссеры которые допускаютъ такую уродливую «литературу»?

Московская труппа «Фарсъ» подъ дирекціей Сабурова, на Великій постъ окончила переговоры съ П. В. Тумпаковымъ. Г. Сабуровъ везетъ въ Петербургъ изумительно-скабрёзный фарсъ «Пѣвчички Бобинеръ», который, какъ говорятъ, затмитъ своей пошлостью «Амуръ и К^о».

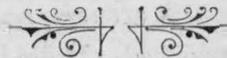
Театрѣ Ф. А. Корша на будущій зимній сезонъ оканчивается свое существованіе. Аренда съ собетвенниками зданія, бр. Бахрушинными, оканчивается. Охотниковъ взять этотъ театръ является большое количество. Главнымъ образомъ, настоящій режиссеръ Ф. А. Корша, артистъ Н. И. Синельниковъ, но ему является большой конкурентъ—режиссеръ и артистъ опереточной труппы А. Э. Блюмонталя-Тамаринъ, который предлагаетъ братьямъ Бахрушиннымъ арендную плату въ 45 тысячъ за годъ.

Публика, посѣщающая воскресные и праздничные оперные спектакли Народнаго Дома, вполне осповательно жалуется на безцеремонное отношеніе къ ней дирекція театра гг. Кпрікова и Циммермана. Общедоступность этихъ спектаклей обезпечиваетъ полные сборы, а потому дирекція по стѣбляется довольно часто въ главныхъ роляхъ вынуждать компримарио а Іа Карсавинъ, поющій Альфреда въ Травіатѣ, а дирижеровъ замѣняетъ хормейстерами, а Іа Бауеръ.

Нельзя также не отмѣтить того факта, что въ одномъ изъ загородныхъ театровъ, арендуемыхъ той же дирекціей, недавно въ роли Руслана она выпустила безголосаго и антимузыкальнаго баритона, который, какъ говорятъ злые языки, стоитъ въ довольно близкомъ родствѣ съ однимъ изъ членовъ дирекціи.

«Шедсвы въ лицахъ» музыкальная мозаика Н. Г. Сѣверскаго пользуется большимъ, вполне заслуженнымъ, успѣхомъ у публики, охотно посѣщающей театръ. Песняющая съ репертуара «стилизованная» оперета г. Гобена «Жизнь челоѣка на изнанку» по-прежнему интересуется публику, тѣмъ болѣе, что дирекція умѣло пользуется вставными номерами въ дивертиссементѣ 3-го дѣйствія, постоянно измѣняя программу.

Дѣтская труппа И. А. Чистякова, какъ всегда, пользуется неизмѣннымъ успѣхомъ у публики, пореполняющей театръ по воскресеньямъ и праздникамъ на дневныхъ представленіяхъ.

Художественная хроника.

Выставка «Здоровье и Красота»

Въ январѣ будущаго года въ залахъ Пассажа открывается вторая гигиеническая выставка: «Здоровье и красота».

Эта выставка должна быть нагляднымъ показателемъ того, что сдѣлано въ области гигиены и здоровья женщинъ, а равно и въ области женской эстетики.

Область дамской эстетики настолько широка и разнообразна, въ этой области такъ много создано и создается, что выставка должна привлечь къ себѣ вниманіе заинтересованныхъ лицъ.

Новые туалеты, шляпы, головные уборы, парюры—косметика и т. п. подобные спутники красивыхъ женщинъ должны найти отраженіе на этой выставкѣ.

Было бы очень желательно воспользоваться такимъ благоприятнымъ случаемъ и показать публикѣ женскій міръ, какъ съ научной такъ и съ вѣдшей стороны—художественной.

Выставка предполагается международной. Приглашены: Франція, Германія, Австрія, Бельгія Англія и др. государствъ.

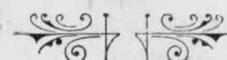
Нѣкоторыя государства откликнулись на призывъ и организуютъ свои отдѣлы.

Въ данное время, когда было нѣсколько выставочныхъ краховъ, благодаря причастности къ выставкамъ разныхъ темныхъ личностей, работа по устройству выставки очень трудна, но то обстоятельство, что эта выставка устраивается обществомъ охраненія здоровья женщинъ, непосредственно, должно измѣнить отношеніе публики и промышленниковъ, создавъ полное къ ней довѣріе.

Выставка «Здоровье и красота» находится подъ почетнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества В. К. Евгеніи Максимиліановны Принцессы Ольденбургской.

Н. Брешно-Брешковскій.

Съ 3 го №-ра начнутся печатаніемъ біографіи — (съ портретами) всѣхъ артистовъ и выдающихся дѣятелей сцены—казенныхъ и частныхъ театровъ. Матеріалъ этотъ весьма важенъ для исторіи русскаго театра.

За последнее время в печати и обществе слышится безпрестанные нападки на „Фарсѣ“. Нападки сводятся къ тому, что культивруемый этимъ театромъ жанръ имѣетъ своею цѣлью задачи весьма далекія отъ чистаго искусства. Пресловутая „ванная комната“ и кровать, являющаяся непремѣннымъ аксессуаромъ всѣхъ почти идущихъ здѣсь фарсовъ, сдѣлали свое дѣло. Въ „Фарсѣ“ идутъ чуть-ли не со „спеціальными“ цѣлями... Тотъ фарсѣ, который когда-то вызывалъ чистый, здоровый смѣхъ, выродился теперь въ порнографію. Пошлость, сальности, рискованныя положенія, граничащія съ самой безстыдной откровенностью, — все это заставляетъ поставить нѣсколько интересныхъ вопросовъ. Первый изъ нихъ: Почему артисты (г.г. Вадимовъ и Разсудовъ), пребываніе которыхъ на серьезной сценѣ сдѣлало-бы честь этой послѣдней, до сихъ поръ служатъ „искусству“, цѣли котораго... (умолчимъ объ этихъ цѣляхъ!). По этому вопросу я побесѣдовалъ

съ В. Ю. Вадимовымъ.

Талантливый режиссеръ и артистъ не задумался надъ отвѣтомъ.

— „Хотите знать, почему... Слушайте... — и онъ энергично заговорилъ. Драматическій

актеръ, прослужившій двадцать лѣтъ на серьезной сценѣ въ провинціи, въ такихъ городахъ, какъ Казань, Саратовъ, Одесса, Харьковъ, игравшій въ первыхъ роляхъ съ Савиной, Федотовой, Ермоловой — я *убѣжденно* поступилъ режиссеромъ въ „Фарсѣ“. Убѣжденно — и не иначе! Мое мнѣніе — всѣ петербургскіе театры — одинъ сплошной „Фарсѣ“! Изъ двухъ золь я выбралъ меньшее... Въ „Фарсѣ“ заставляютъ „фарсить“ и платятъ за это большое жалованье; въ другихъ театрахъ также заставляютъ „фарсить“ — и платятъ (если только платятъ!) — значительно меньше. За одинаковую работу пріятнѣе получать больше, чѣмъ меньше.

И вотъ, когда я режиссерствую въ „Фарсѣ“, мои ученики — я перечислю ихъ вамъ — мои ученики служатъ на серьезной сценѣ, служатъ святому искусству, создаютъ „новые пути“ въ искусствѣ. Мои ученики, которымъ я преподавалъ сценическое искусство, которымъ я внушалъ честныя политическія убѣжденія... Возьмите, хотя-бы слѣдующихъ: въ Маломъ театрѣ — г. Баратовъ. Онъ впервые, еще будучи студентомъ, выступалъ подъ *моимъ* руководствомъ. Г-жа Вадимова, напримѣръ, въ томъ-же театрѣ... Артистка, которая въ началѣ своей карьеры выступала *при мнѣ* въ антрепризѣ С. И. Кры-

лова въ Новочеркасскѣ за пятнадцать рублей жалованья!! Артистка Литературно-Художественнаго Кружка, которая въѣсто подписи ставила когда-то „три креста“!!! Она теперь — и васъ увѣрю въ этомъ — открываетъ „новые пути“ искусства! Смѣшно... и грустно.

А г-нъ Тарскій (онъ теперь въ театрѣ Корша, въ Москвѣ, на первыхъ роляхъ — онъ *мой* ученикъ... А г-нъ Бравичъ (у В. Ф. Комиссаржевской) — опъ служилъ въѣстѣ со мной и даже не смѣлъ думать о тѣхъ роляхъ, которыя я исполнял!

Смѣшно, когда всѣ эти господа пытаются создать нѣчто новое въ искусствѣ...

И вотъ, будучи представителемъ серьезнаго репертуара, набивъ себѣ оскомину пьесами Островскаго, я съ грустью смотрю на постановки Александринскаго театра.

На казенной сценѣ идетъ... фарсѣ! Ставятъ не «Грозу» — ставятъ «Амура и К^о!».

Грустно, грустно...

Вотъ, почему я въ «Фарсѣ».

Евгеній К.

Отъ редакціи. Бесѣда съ М. И. Разсудовымъ будетъ помѣщена въ слѣд. №-рѣ.

Письмо артиста Б. Глаголина въ редакцію журнала „Сцена и Жизнь“.

Милосердіе всуду, и редакторъ,
Буде дотры напечатать, то
въ моеи Асирки я никогда не
поцелуй поцелуй и отъ дукъ
никогда не откажались и не
откажались.

Иванъ Кузнецовъ

Дружескии С. Г.

== П О Р О С С И Я. ==

Иркутскъ. Опереточная труппа подъ управленіемъ дирижера и антрепренера г. Валентети дѣлаетъ громадныя сборы. Дѣйствительно, она и заслуживаетъ такого отношенія публики. Составъ труппы тамъ недурной—обставляются пьесы прилично, имѣется порядочный ансамбль которымъ руководитъ опытный режиссеръ Л. А. Полтавцевъ—онъ прошлую зиму занималъ эту же должность въ Петербургѣ въ Екатерининскомъ театрѣ, управляя труппой Сѣверскаго. Наибольшимъ успѣхомъ у насъ въ Иркутскѣ пользуется примадонна г-жа Барвинская, и актриса на комическія роли г-жа Калмыкова. На вторыхъ роляхъ г-жа Делормъ и г-жа Ленская. Во всякомъ случаѣ женскій персонажъ, много лучше мужского. Напримеръ: взять г. Шелихова. Онъ играетъ роли простаковъ, и не имѣетъ никакихъ данныхъ па это амплуа. Пора бы г. Шелихову—перемѣнить амплуа, его лѣта слишкомъ стары, чтобы играть молодыхъ людей. Репертуаръ оперетокъ у насъ весьма разнообразный, лучше всѣхъ обставлена «Веселая вдова»—которая дѣлаетъ большіе сборы. Въ общемъ, антрепренеръ Валентети—съ самаго начала сезона дѣлаетъ хорошіе сборы. На кругъ взято за 2 мѣсяца (играютъ ежедневно) по 750 руб. Для нашего города, Иркутска, эта цифра очень и очень внушительная.

А. Б.

Ростовъ на Дону. Объявлено о пріѣздѣ къ намъ опереточной труппы С. И. Крылова. Анонсы выпущены о составѣ артистовъ. Не видно на этихъ анонсахъ—прошлогоднихъ любимцевъ мѣстной публики. Нѣтъ ни г. Монахова, ни г-жи Пюнтковской, ни г. Бураковского, осталась одна г-жа Тулинская—но эта порядочная актриса; опять будетъ мозолить глаза бездарный комикъ г. Градовъ. Вообще объявленный анонсъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго въ смыслѣ матерьяльнаго успѣха. Вообще надо удивляться индифферентизму г. Крылова—по отношенію къ нашей ростовской публикѣ. Почему у него къ ней такія отношенія?

Харьковъ. Оперный театръ вступилъ въ полосу бенефисовъ; за держеромъ г. Штейнбергомъ праздновала свой бенефисъ г-жа Шульгина. Впервые за текущій сезонъ поставили «Мазепу». Г-жа Шульгина даетъ рельефный образъ Маріи. Остальныя партіи исполняли г. Гладковъ (Мазепа), г. Максаковъ (Кочубей) и г. Секаръ-Рожанскій (Андрей) въ роли мо-

лодого казака Андрея блеснулъ и всѣ исполнители имѣли успѣхъ.

Самара. Третій годъ—какъ у насъ антрепренерствуетъ Г. Кручининъ, и не смотря на полное непониманіе—какъ надо вести театральное дѣло, г. Кручининъ зарабатываетъ превосходно. Не мудрено: самарцы любятъ театръ, конкуренціи нѣтъ, развлеченій другихъ никакихъ,—ясно сборы полныя въ городскомъ театрѣ почти ежедневно.

Труппа г. Кручинина нынѣшній сезонъ слабѣе прошлаго. Режиссеръ у насъ г. Павлековъ—это довольно заурядный артистъ—замѣчательный только тѣмъ, что ему почему-то платятъ большія деньги за его маленькое дарованіе. Спектакли идутъ безъ анембля—всегда они плохо репетируются и полное незнаніе ролей. Подробный отчетъ о нашемъ театрѣ мы дадимъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Новочернаскъ. Много было разговоровъ въ прошломъ году о томъ, чтобы отобрать нашъ казенный театръ отъ антрепренера С. П. Крылова, но онъ все таки опять остался за нимъ. Не знаю чѣмъ руководствовалась наша дирекція, отдавая театръ С. И. Крылову. Онъ въ прошломъ году угостилъ насъ невозможной драматической труппой, а ужъ нынѣшній сезонъ—такъ это, какъ говорится, прямо изъ рукъ вонъ! Почему это казенный театръ съ субсидіей въ 6 тысячъ попадаетъ въ руки С. И. Крылова—который какъ будто смѣется и надъ публикой и надъ дирекціей и каждый годъ—привозитъ артистовъ все хуже и хуже. Во главѣ театральной дирекціи стоятъ люди понимающіе—почему же они такъ благоволятъ къ г. Крылову?—«Кто и что»—С. И. Крыловъ, и на какомъ основаніи онъ пользуется правомъ быть не смѣняемымъ антрепренеромъ-лавочникомъ и обладать субсидированнымъ театромъ.

О—въ.

Кутаисъ. Въ грузинскомъ театрѣ съ участіемъ Вассо Абашидзе разыграли мелодраму «Ограбленная почта» и «Бой бабочекъ». Пьеса прошла вяло, даже сама гастролерша въ роли Розы была хороша только мѣстами. Въ спектакляхъ участвовали также г-жи Иванидзе, Джавахома, Давитавили и г.г. Шалпкашвили, Шотадзе.

Кіевъ. Въ бенефисъ В. П. Дагмарова шелъ «Орленокъ» Ростана. Бенефициантъ сыгралъ роль Метерлиха весьма слабо. Хороши были г. Горѣловъ (Орленокъ) и г. Смирновъ (Фламбо).

— Первое представленіе оперъ Б. К. Яновскаго «Мадалжера» и «Два Пьеро» прошло въ городскомъ театрѣ почти при полномъ залѣ. Композитора и артистовъ много вызывали.

Томскъ. Труппа г-жи Щербаковой поставила «Черныхъ вороновъ». Къ сожалѣнію, пьеса какъ-то скомкала: артисты удѣляли болѣе вниманія суфлеру, чѣмъ игрѣ.

Воронежъ. Изъ Москвы въ г. Воронежъ пріѣдетъ оперная труппа сгорѣвшаго театра Солодовникова. Труппа послѣ 20 ноября намѣрена давать оперные спектакли въ Народномъ Домѣ комитета трезвости. 13 ноября въ Воронежѣ были представители этой труппы и заключили договоръ съ администраціей Народнаго Дома. Такимъ образомъ влѣдетвіе пожара въ театрѣ Солодовникова, въ Воронежѣ скоро появится оперная *столичная* труппа.

«Черные вороны» привлекаютъ у насъ полныя сборы.

Иркутскъ. Гг. Кравченко и Долинъ отказались отъ антрепризы городского драматическаго театра, въ виду плохихъ сборовъ. Труппѣ осталось недоплаченнымъ за минувшій октябрь и 9 дней ноября свыше 2¹/₂ тыс. руб. Сумма эта удовлетворена изъ внесеннаго антрепренерами залога, а съ 14 ноября театральное дѣло перешло непосредственно въ руки города. Въ составѣ труппы по-прежнему остались артисты гг. Петровъ-Краевскій, Вороздинъ, Зубовъ и др.

На дняхъ праздновалъ свой бенефисъ режиссеръ гостящей здѣсь *опереточной* труппы г. Полтавцевъ. Шла ком. оп. Оффенбаха «Герцогиня Герольшейнская». Исполненію хорошее, дружное. Г-жа Россина провела заглавную роль весьма жизненно, только почему-то много «цыганила». Выдѣлялись также гг. Рафальскій, и Антоновъ; у послѣдняго красивый баритонъ. Труппа тепло чествовала бенефицианта, которому поднесено было много цѣнныхъ подарковъ.

З.

Варшава. Гастроли русскихъ трагиковъ бр. Адельгеймъ въ Варшавѣ уже окончились. Несмотря на громадныя успѣхы, какой имѣли

эти гастролы не только у русской, но и у польской публики, въ большомъ количествѣ посѣщавшей спектакли бр. Адельгеймъ, артистамъ пришлось сократить свое пребываніе въ Варшавѣ изъ-за недостатка подходящаго театральнаго помѣщенія, и 20 ноября они выѣхали изъ Варшавы въ большое турнѣ по Россіи, которое продолжится до Пасхи. вмѣстѣ съ ними выѣзжаетъ въ турнѣ и труппа Э. И. Черновской и М. И. Черпова. 18 ноября, въ бенефисъ Рафаила Адельгейма, шелъ «Ревизоръ» Н. В. Гоголя, а 19-го, состоялся бенефисъ Роберта Адельгейма, — «Казнь» — Го.

Курскъ. «Пробужденіе весны» дѣлаетъ сборы. Въ смыслѣ исполненія пьеса Ведекинда проходитъ довольно хорошо, а кардинальная во всей пьесѣ пятая картина третьяго акта (объясненіе г-жи Бергманъ съ Вендлой) проводится съ захватывающимъ подъемомъ.

Роль Бергманъ исполняетъ г-жа Панаева, Венду же играетъ г-жа Ковалевская.

Изъ другихъ исполнителей выдѣляются г. г. Бирюковъ (Мельхиоръ) и Ростовскій (Морицъ).

Харбинъ. Текущій театральнй сезонъ въ Харбинѣ, какъ двѣ капли воды напоминаетъ собой два предыдущихъ зимнихъ сезона: тѣ же симптомы еженедѣльной смѣны антрепризъ, то

же неумѣнно заинтересовать широкую публику, та же система увиланья въ сторону отъ обѣщаннаго репертуара...

Антреприза г. Коганова въ общедоступномъ театрѣ лопнула и на ея мѣстѣ создано товарищество на паяхъ. Въ основу новаго предприятия легли самыя товарищескія начала: не считая перспективныхъ 125 руб. за театр, декорации, костюмы и пр., первый полтинникъ отдается оркестру и хору, а только остальные деньги идутъ на марки персонажамъ.

9 ноября въ нашемъ художественномъ театрѣ состоялся первый въ текущемъ сезонѣ любительскій офицерскій спектакль. Дана была оперетта «Красное солнышко», для любителей прошедшая вполне удовлетворительно. Къ сожалѣнію, женскій репертуаръ оказался зараженнымъ какой то цыганоманіей; никто не далъ простого, яснаго чистаго звука. Хорошъ былъ хоръ, какъ по количеству, такъ и по качеству голосовъ. Дирижировалъ оркестромъ графъ Аршфильдъ.

Материальный успѣхъ спектакля, чистый сборъ съ котораго пошелъ на помощь раненымъ, превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія.

Тифлисъ. Труппа не можетъ похвастать хорошими сборами. Объясняется это тѣмъ, что Тифлисъ вообще городъ избалованный хорошими пѣвцами. Въ текущемъ сезонѣ труппа состоитъ изъ учениковъ Консерваторіи, неопытныхъ пѣвцовъ, среди которыхъ выдѣляется только г. Сибиряковъ (басъ).

Масква. Сборъ на артистовъ пострадавшихъ при пожарѣ театра Солодовникова достигъ въ общей сложности суммы въ 7329 р.

На каждаго изъ артистовъ приходится по 30 руб. 75 коп.

Кіевъ. Городская коммиссія поставила условіемъ антрепренеру г. Брыкину (вмѣсто Бородея) перемѣнить составъ баритоновъ. Шесть баритоновъ подверглись „остракизму“. На мѣсто уволенныхъ выписали изъ Петербурга г. Сокольскаго (баритон) и г. Андреева (тенора). Послѣдній служилъ два года передъ тѣмъ въ „Олимпіи“, гдѣ пользовался вполне заслуженнымъ успѣхомъ.

Вильна. Въ настоящее время въ театрѣ Шумана (въ Ботаническомъ саду) участвуетъ прекрасно составленная труппа, въ которую входятъ: 1. М-ле Скржицкая (Пѣвица и танцовщица), 2. Жанъ Клері (Фран. шанс.), 3. Бизетъ (Вѣнская пѣвица), 4. Анита (Итальянская пѣвица), 5. Вестеръ (Англійская пѣвица), 6. Вѣрина (Тиша Максыма Горькаго), 7. Дубровская (Русская шансонетка), 8. Сарто (Танцовщица), 9. Олѣгина (Русская артистка), 10. Марія Скржицкая (Оперет. пѣвица), 11. Феррари (русскій квартетъ), 12. Антуанетъ (Интернац. пѣвица), 13. Лорисъ Бревли (Итальян. дуэтъ), 14. Паула Гори (Венгерская пѣвица), 15. Робинзонъ (Жонгл. на шарѣ), 16. М-ле Леа (Эквилиб. на трапеціи), 17. Аза Стюре (Интернац. пѣвица), 18. Дейтисъ (Ком. квартетъ).

— Концертный залъ Шумана ежедневно посѣщается массою публики, что служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что артисты находятся на высотѣ положенія.

1. Лупашко.

МАЛАЯ СЦЕНА

Кафешантанные силуэты.

1.

КЛАВДЮША.

Въ маленькой комнаткѣ, которая представляла собою уборную для хористокъ, было тѣсно и душно. Бѣдкій запахъ потнаго, прѣлага тѣла смѣшивался съ запахомъ недорогихъ духовъ и рисовой пудры. Стоялъ шумъ отъ разговоровъ. Хористки, торопливо переодѣвавшіяся, слѣзили на сцену. Полная блондинка, съ поблекшимъ, когда-то красивымъ лицомъ, быстро застегивала блестящій сарафанъ боярышни. Привычнымъ движеніемъ приколола она на голову кокошникъ съ разноцвѣтными бусами, бѣглымъ взглядомъ окинула себя въ зеркалѣ, взяла пуховку и наложила тонкій, ровный, чуть замѣтный слой пудры на шею, уши, лицо и лобъ. Нѣсколько штриховъ красной помады сдѣлали ея полныя губы яркими, чувственными.

Въ дверяхъ уборной показался высокій, пожилой мужчина, полный, обрюзгшій, съ массою золотыхъ брелоковъ на массивной золотой цѣпи, которая стягивала его животъ и спускалась изъ жилетнаго кармана толстой кистью всевозможныхъ жетоновъ.

— Клавдюша, поторопи... — сказалъ онъ блондинкѣ.

Клавдюша внимательнымъ взоромъ окинула толпу дѣвушекъ, одѣтыхъ въ русскіе сарафаны и кокошники.

— Живѣе, живѣе, господа! — громко произнесла она, обращаясь къ хористкамъ и повернувшись къ дверямъ.

— Сейчасъ готовы, Николай Павловичъ!

Тотъ, кого она назвала Николаемъ Павловичемъ, грузно повернулся въ дверяхъ и сталъ подниматься по узенькой лѣсенкѣ, ведущей изъ уборныхъ на сцену.

— Начинаю — произнесъ онъ, ни къ кому не обращаясь, и на его пухломъ, заспанномъ лицѣ не отразилось ничего, что-бы могло имѣть какую-нибудь связь съ этимъ словомъ. Онъ произносилъ его ежедневно, въ теченіе многихъ лѣтъ, это вошло въ его привычку и ему казалось, что тотъ звонокъ, который послышался тотчасъ послѣ слова „начинаю“, не произвелъ-бы на хористокъ должнаго эффекта, если-бы ему не предшествовало это слово.

Разговоры на минуту стихли. Всѣ примолкли, какъ будто предстояло что-то серьезное, а не то, что на самомъ дѣлѣ было для всѣхъ находившихся въ уборной такимъ обыденнымъ, простымъ „нестрашнымъ“, потому что повторялось изо-дня въ день въ теченіе многихъ лѣтъ.

Но прошла эта минута, и когда умолкъ звонокъ, шумъ возобновился въ размѣрахъ, даже большихъ, чѣмъ прежде.

— Идите, идите... — заторопилась Клавдюша.

Нѣкоторыя, уже одѣтыя, поспѣшно выходили изъ уборной; замѣшкавшіяся, торопились припудриться, подкрасить губы, щеки и провести темнымъ карандашомъ по бровямъ и рѣсницамъ.

— Женя, — говорила одна хористка другой, — одолжи мнѣ пуховку.

Женя, худощавая шатенка, съ неподвижнымъ лицомъ, на которомъ, казалось, застыла улыбка, видимо неохотно протянула пуховку маленькой брюнеткѣ съ бѣгающими глазками, нервнымъ худощавымъ лицомъ, помятымъ ненормальною жизнью и годами.

— Вѣчно эта «Миноноска» надоѣдаетъ своими просьбами — проворчала Женя и, поднявшись со стула передъ зеркаломъ, поспѣшила за другими хористками.

„Миноноска“ равнодушно посмотрѣла ей влѣдъ, опустила пуховку въ пудру и нѣсколько разъ обмахнула ею себѣ лицо.

Въ уборной уже почти никого не оставалось.

Стоявшія въ первой очереди хористки, одна за другою, увѣренно выходили на сцену и „Миноноска“, которая была самой низкорослой изъ всѣхъ, вышла послѣдней и заняла крайнее мѣсто въ полукругѣ, образовавшемся на сценѣ.

Всѣ хористки стояли молча, съ застывшими улыбками на губахъ, держа руки за спиной, сложенными на талии.

Въ центрѣ заняла мѣсто Клавдюша, которая замѣняла собою „запѣвалу“ хора, нѣкогда извѣстную въ Петербургѣ, Басову.

Дирижеръ оркестра, сѣденькій, невысокаго роста нѣмецъ, съ правильно постриженной бѣлой бородкой, вытянулъ лѣвую руку, поднялъ палочку, постучалъ ею о попитръ и хоръ, сопутствуемый музыкой, нестройно запѣлъ дребезжащими, разбитыми голосами тягучую, русскую мелодію.

* * *

За столикомъ, уставленнымъ нѣсколькими тарелками съ закусками, графинчикомъ водки и винами, Клавдюша сидѣла съ небольшою компаніей подкутившихъ купчиковъ.

Она уже успѣла переодѣться, и черное платье, недурно обрисовывавшее ея полную фигуру, крутя бедра и круглую талію, оставляло спереди квадратный вырѣзъ, откровенно позволявшій видѣть шею со складкой по серединѣ, и бѣлыя, съ желтоватымъ оттѣнкомъ, пухлыя груди, которыя мягко упирались въ бортъ платья.

Рядомъ съ Клавдюшей положивъ руку на спинку ея стула, сидѣлъ полный мужчина. Вблизи наклонившись къ ней и смотря замаслянившимися глазами въ вырѣзъ ея платья, онъ обдавалъ ее горячимъ дыханіемъ, смѣшаннымъ съ виннымъ запахомъ и клубами табачнаго дыма.

Клавдюша, казалось, внимательно прислушивалась къ его словамъ и, въ знакъ одобренія, покачивала головой съ цѣлою массой свѣтлыхъ, тяжелыхъ волосъ.

На противоположномъ концѣ стола сидѣла ея подруга, высокая шатенка съ хищнымъ лицомъ, художавой фигурой и большими кистями рукъ, которыя проворно разрѣзали телячью котлету. Глаза ея, устремленные въ тарелку, были прищурены; она загадочно улыбалась и вытягивала губы, замирая отъ желанія утолить голодь. Съ обоихъ боковъ, рядомъ съ нею, сидѣли два молодыхъ человѣка съ вѣшностью прикащиковъ, которые услужливо передавали ей французскую горчицу, соусы, салатъ и время отъ времени наливали большую рюмку водки. Оба они не ѣли, потому что успѣли поужинать раньше.

— Можно?— спрашивалъ одинъ изъ нихъ, держа въ рукахъ графинчикъ, наклоненный надъ опорожненной рюмкой. Шатенка молча кивала головой и, не прерывая ѣды, залпомъ выпивала рюмку за рюмкой.

— Ну, что?— спрашивалъ Клавдюшу ея сосѣдь— поѣдешь?

Клавдюша сбоку посмотрѣла на своего собесѣдника, перевела взглядъ на шатенку и, не отвѣчая на вопросъ, сказала:

— Ты общалъ намъ конфектъ; пойдѣмъ, купимъ...

— Раньше скажи, поѣдешь или нѣтъ...

— Хорошо, поѣду... Только помни: послѣ закрытія... Раньше уходить нельзя.

— А когда конецъ?

— Въ три.

На сытомъ лицѣ купчика выразилось неудовольствіе: придется поздно возвращаться къ своей законной „половинѣ“, значить будетъ головомойка... Это не входило въ его расчеты, но „охота пуще неволи“— и онъ подчинился правиламъ кафешантана.

Клавдюша поднялась. Взявшись подъ руки, они прошли между столами, протискались сквозь толпу передъ буфетомъ и подошли къ кіоску, на которомъ были разложены всевозможныя бездѣлушки и бонбоньерки съ конфетами.

— Вотъ эту— сказала Клавдюша, взявъ большую коробку, обитую бархатомъ и блестящими металлическими инкрустациями.

— Сколько стоитъ?— обратился „гость“ къ продавщицѣ.

— Двадцать рублей.

— Уступить нельзя?

Та засмѣялась, показавъ два ряда блестящихъ ровныхъ зубовъ. Клавдюша взяла коробку подмышку; „гость“ расплатился и они вернулись къ своему столу.

* * *

„Кормленіе“ шатенки продолжалось. Молодые люди, угощавшіе ее, насыпались въ комплиментахъ, всѣми силами стараясь занять свою даму.

Клавдюша казалась повеселѣвшей.

— Слушай,— обратилась она къ купчику,— дай мнѣ на „уборную“.

Это значило, что она хочетъ пойти въ уборную,—освѣжить лицо пудрою, оправить платье передъ зеркаломъ и поднять смявшуюся прическу. Для этого нужны были деньги, чтобы заплатить уборщицѣ.

Онъ полѣзъ въ кошелекъ, досталъ какую-то мелочь.

— Я сейчасъ— бросила на ходу Клавдюша и быстро пошла отъ стола. Пройдя залъ, въ которомъ была эстрада и игралъ оркестръ, она подошла къ кіоску съ конфетами и протянула продавщицѣ только что купленную коробку:

— Обратнo...— сказала она.

Та взяла коробку, поставила ее на прежнее мѣсто и выдала Клавдюшѣ десять рублей—половину уплаченныхъ передъ тѣмъ денегъ.

* * *

Былъ третій часъ ночи въ исходѣ. Клавдюша все еще не возвращалась изъ уборной. Заскучившаго купчика развлекала разговоромъ шатенка.

Прозвучалъ третій звонокъ и „гость“, расплачиваясь по счету, спрашивалъ лакея, не видѣлъ ли тотъ Клавдюши.

Завернувшись въ старенькій мѣховый сакъ, Клавдюша быстро спустилась по лѣсницѣ и выбѣжала на улицу.

Въ то время, какъ купчикъ уже серьезно беспокоился отсутствію Клавдюши и тщетно искалъ ее по всему кафешантану, она была уже далеко.

Извозчикъ подвозилъ ее къ дому, гдѣ она жила.

Евгеній К.

Пожаръ, бывшій на дняхъ въ «Юморъ-театрѣ» на Литейномъ проспектѣ, противъ Басейной ул., «способствовалъ ему только къ украшенію». Умѣло подобранная программа картинъ и уютное помѣщеніе продолжаютъ привлекать массу посѣтителей.

Голгофа.

Въ первыхъ числахъ декабря на Невскомъ проспектѣ, домъ № 100, открывается грандіозная панорамическая выставка, подъ общимъ названіемъ „Голгофа“. Предпріятіе это, принадлежащее Г. П. Полетилло, для Петербурга представляетъ совершенную новостъ какъ по идеѣ, такъ и по техникѣ содержанія. Для этой цѣли выстроено специально громадное каменное зданіе въ формѣ цирка, сама же картина писана въ Мюнхенѣ по эскизамъ знаменитаго художника Бруно Пигельгейма, сдѣланнымъ имъ на мѣстѣ въ Иерусалимѣ. Эта картина, нашу мѣла достаточно заграницей, не смотря на то, что обставлена была далеко не съ такой тщательностью и роскошью, въ видѣ специального, стоившаго громадныхъ затратъ зданія, какъ теперь. Для Петербурга предпріятіе это является до нѣкоторой степени смѣлымъ: выставить картину-панораму религіознаго оттѣнка теперь могъ рѣшиться только человѣкъ съ твердымъ характеромъ и вѣрой въ себя, но колоссальныя затраты произведены, остается только пожелать успѣшнаго ихъ результата. Картина цѣнна прежде всего съ чисто художественной точки зрѣнія. Рискъ—благородное дѣло!

Письмо въ редакцію.

М. Г., г. редакторъ!

Помѣщенная въ № 1 вашего журнала статья „Артисты-мукомолы“ вызвала въ нашей средѣ восторженныхъ артистовъ нареканія въ томъ смыслѣ, что Вы посягнули якобы на возможность для маленькаго выходнаго артиста частнымъ заработкомъ подработать что либо къ получаемому имъ скудному вознагражденію за свой неблагодарный и нелегкій трудъ. Больше чѣмъ убѣжденъ, что всѣ поняли ошибочно. Не можетъ быть, чтобы вы были противъ этого явленія, вполнѣ понимая его неизбежность, благодаря полнѣйшему игнорированію г.г. антрепренерами нуждъ меньшей братіи. По тону замѣтки видно, что вы находите такое явленіе даже въ данномъ случаѣ извинительнымъ, потому что взглядъ антрепренера на выходныхъ артистовъ вообще и не могъ воспитать и укрѣпить въ нихъ достаточное сознание собственного достоинства. Несомнѣнно, что вы противъ такого амплуа принципиально; въ противномъ случаѣ мы можемъ опять вернуться къ временамъ давнопрошедшимъ.

А какъ обстоило дѣло въ старину, позвольте напомнить слѣдующую любопытную историческую справку, составленную однимъ изъ ветерановъ Михайловскаго театра.

Въ эпоху извѣстнаго Ланжелле почти у всѣхъ актеровъ и актрисъ Михайловскаго театра были побочные доходы.

Одинъ держалъ корсетную мастерскую, другой перчаточный магазинъ, третій торговалъ „брикъ-а-бракъ“ и т. д.

Въ эпоху Николая 1-го славилась въ Петербургѣ булочная, которую держалъ, на имя своего лакея, одинъ французскій актеръ.

Лично извѣстный Великому Князю Михаилу Павловичу, ловкій французъ отправился къ нему со своими булками и просилъ разрѣшить называть ихъ „булками Великаго Князя“...

Великій Князь сказалъ, что ничего не имѣетъ противъ этого.

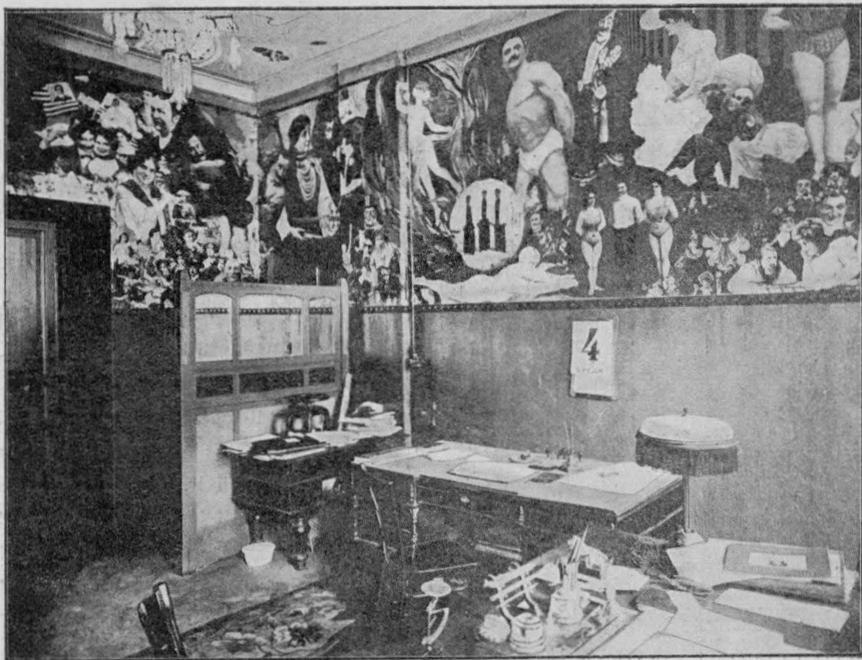
Съ тѣхъ поръ у француза не было отбоя отъ покупателей, и онъ нажилъ на своей булочной каменный домъ.

Въ настоящее время, конечно, это едва ли можетъ повториться, но все-таки не надо забывать, что отъ великаго, какимъ справедливо почитается стремленіе къ улучшенію своего положенія, до смѣшнаго, одинъ только шагъ!

Вполнѣ раздѣляя Вашу точку зрѣнія на это явленіе, свидѣтельствую Вамъ свое совершенное почтеніе.

Одинъ изъ многихъ.

Редакторъ-Издатель В. Т. Блохинъ.

Утвержденное Правительствомъ

и

ОБЕЗПЕЧЕННОЕ * * *
*** * * * * ЗАЛОГОМЪ**

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ

— Первое С.-Петербургское —
Театральное Агентство

В. РЕЙТЕРЪ

Невскій пр., № 50.

Телефонъ № 56—61.

Здѣсь-же КАФЕ

съ обширными художественно отдѣ-
ланными и роскошно обставленными
залами, гдѣ артисты встрѣчаются со
своими collega'ми.

10376

Санкт-Петербургъ. Театральная
Библиотека
А. В. ДУМАЧАРСКОГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій 50.

ТЕАТРАЛЬНОЕ БЮРО

В. Рейтеръ.

Представитель журнала „Сцена и Жизнь“ по отдѣлу театры—Варьетэ, Кафе-Концерты и Цирки.

АРТИСТИЧЕСКАЯ КОНТОРА

И

АГЕНТСТВО

ДЛЯ РОССИИ И ЗАГРАНИЦЫ

І. П. ЛУПАШКО.

РАЗРЪШЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ
и гарантированное установленнымъ
законнымъ залогомъ.

ВИЛЬНА,
БОТАНИЧЕСКАЯ УЛ., Д. ЧЕРНОВСКАГО.

Представитель журнала «СЦЕНА и ЖИЗНЬ»
для города Вильна и всего Сѣверо-Западнаго края.

BERNARD BRODSKY.

ОДЕССА Отель „Викторія“
ODESSA Hotel „Victoria“.

*Театральный Агентъ для театровъ
Варьетэ, Цирковъ и Кафе-концертовъ.*

Представитель журнала «СЦЕНА и ЖИЗНЬ»
для города ОДЕССЫ.

Г. ХАРЬКОВЪ

Театр. агентъ **В. ФИЛИПСЪ.**

Представит. журн. „Сцена и Жизнь“
для Харькова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ ТЕАТРАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ
съ программами и либретто-петербургскихъ театровъ:

== ОБОЗРѢНІЕ ТЕАТРОВЪ ==

Редакція и контора: Невскій, 114. Тел. 69-17.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ 10 руб., на полгода 5 руб., на 3 мѣсяца 3 руб., на 1 мѣсяць 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Невскій 114), и по телефону (№ 68-17). Въ послѣднемъ случаѣ за получениемъ подписной платы посылается артельщикъ конторы.

Объявленія по 30 коп. за строку nonpareil.

Въ розничной продажѣ «Обозрѣніе Театровъ» продается по 5 коп. у всѣхъ газетчиковъ и въ кіоскахъ В. А. Пташникова.

БЕРЛИНЪ (ГЕРМАНИЯ).

EXPORT-BUREAU

J. FEINSTEIN.

BERLIN N. W. 52.

Thomasius-strasse 14.

Пріемъ подписки и объявленій для
журнала „СЦЕНА и ЖИЗНЬ“.

Единственное представительство
ДЛЯ МОСКВЫ.

Продажа, подписка и пріемъ объявленій
ЖУРНАЛА

„СЦЕНА и ЖИЗНЬ“.

Центральная Экспедиція главной
конторы газеты „Русь“, Москва,
Тверская, Казацкій пер., д. Бах-
рушиныхъ. Телефонъ № 107-53.

2 годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1908 ГОДЪ
НА ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

2 годъ
изданія.

ДОМАШНІЙ ОЧАГЪ

Заручившись въ прошломъ году сочувственнымъ отношеніемъ подписчиковъ, мы рѣшили въ 1908 г. работать съ удвоенной энергіей и не останавливаться передъ матеріальными затратами, чтобы еще въ большей степени завоевать расположеніе русской семьи и сдѣлать нашъ журналъ настольной книгой въ каждой семьѣ.

Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, интересы подписчика, заброшеннаго въ глухіе углы, мы не ограничиваемся чисто практическимъ матеріаломъ, прилагаемымъ къ повседневному обиходу совѣтовъ и указаній, а даемъ въ 1908 г. обширный матеріалъ, состоящій изъ произведеній отечественной и переводной литературы, статей по воспитанію, по вопросамъ общественной и индивидуальной гигиены, обзора печати, шутокъ и шаржей. Въ

1908 г. мы добавляемъ новый отдѣлъ „По бѣлу свѣту“ гдѣ будетъ помѣщаться обзоръ событій за каждые истекшіе полмѣсяца въ сжатомъ копективномъ видѣ, но въ обходящемъ молчаніемъ ни одного интереснаго общественнаго явленія. „Почтовый ящикъ Домашняго Очага“ предоставляется въ исключительное пользованіе подписчиковъ, для обмѣна собственными наблюденіями и мыслями по всѣмъ интересующимъ ихъ вопросамъ.

Въ виду того, что объемъ журнала значительно увеличился, мы рѣшили отдѣлъ ЧТЕНІЯ для дѣтей и юношества, равно и отдѣлъ хозяйственныхъ совѣтовъ давать въ видѣ **ОСОБЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**, которыя будутъ чередоваться при каждомъ номерѣ.

Оставшіеся въ ограниченномъ количествѣ комплекты журнала „ДОМАШНІЙ ОЧАГЪ“ за 1907 г., представляющіе объемистый томъ интереснаго и полезнаго матеріала мы даемъ бесплатно въ видѣ преміи первыми 500 подписчикамъ на 1908 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. на 1/2 г. — 1 р. 50 к. Безъ дост. на годъ 2 р. 40 к. на 1/2 г. 1 р. 20 к.
Подписка принимается въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, Театральная ул. 4, Тел. 1893.

Редакторъ-Издатель Ц. Крайневъ.

3 Р. ВЪ ГОДЪ
съ ДОСТАВКОЙ
и ПЕРЕСЫЛКОЙ.

